

**Российская Федерация
против Сервера Мустафаева
и других**

Апрель 2021 г.

TRIALWATCH FAIRNESS REPORT
A CLOONEY FOUNDATION **FOR** JUSTICE INITIATIVE

ОБ АВТОРАХ:

Посольство Прав Человека / Human Rights Embassy — это международная правозащитная организация, расположенная в Молдове и осуществляющая свою деятельность в странах бывшего Советского Союза и Европы. Миссия организации заключается в содействии продвижению и соблюдению прав человека во всем мире. Для достижения данной цели Посольство Прав Человека проводит курсы повышения профессиональной квалификации для судей, прокуроров, адвокатов и сотрудников полиции, тренинги по правам человека для неправительственных организаций и средств массовой информации, осуществляет мониторинг судебных процессов, ведет стратегические тяжбы, кампании солидарности в защиту прав адвокатов прав человека и правозащитников, кампании по повышению уровня осведомленности широкой общественности, и адвокаты.

ОБ ИНИЦИАТИВЕ TRIALWATCH ФОНДА КЛУНИ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

TrialWatch представляет собой **инициативу Фонда Клуни за Справедливость**, главная задача которой сводится к наблюдению за проводимыми во всём мире судебными разбирательствами, с которыми сопряжён риск нарушения прав человека, и реагированию на них. Инициатива TrialWatch имеет глобальный масштаб и ориентирована на судебные процессы над журналистами, представителями ЛГБТК сообщества, женщинами и девочками, представителями меньшинств и правозащитниками. Она стремится выявлять несправедливость и оказывать поддержку для обеспечения справедливости для обвиняемых, права которых были нарушены.

Правовая оценка и выводы, изложенные в этом отчете, принадлежат автору, но не обязательно Фонду Клуни за Справедливость.

ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ И ВЫВОДЫ

В период с 15 ноября 2019 года по 16 сентября 2020 года международная правозащитная организация Посольство Прав Человека наблюдала за проведением совместного судебного разбирательства по уголовному делу в отношении Сервера Рустемовича Мустафаева, Эрнеса Сейяровича Аметова, Марлена Рифатовича Асанова, Мемета Решатовича Белялова, Сервера Зекиевича Зекирьяева, Тимура Изетовича Ибрагимова, Сейрана Алимовича Салиева и Эдема Назимовича Смаилова в Южном окружном военном суде Российской Федерации, в рамках инициативы «TrialWatch» Фонда Клуни за Справедливость. Мустафаев является известным активистом и координатором «Крымской солидарности» - группы гражданского общества, оказывающей поддержку лицам, которые подвергаются аресту и иным преследованиям со стороны российских властей на Крымском полуострове. Судебное разбирательство дела по обвинению этих лиц было сопряжено с нарушением их права на справедливый суд и других прав человека, включая право на презумпцию невиновности, право на участие в судебном разбирательстве и свою защиту в нём, право на вызов и допрос свидетелей, а также право на свободу от незаконного и произвольного задержания. Учитывая эти нарушения, Военный апелляционный суд г. Власиха должен отменить приговор в отношении вышеуказанных лиц и издать постановление об их немедленном освобождении.

Все восемь подсудимых являются крымскими татарами, исповедуют ислам и выступают в качестве активистов движения за права человека. Мустафаев и Смаилов были арестованы в процессе обыска их домов в Крыму, который был проведён 21 мая 2018 года, а остальные были арестованы в ходе аналогичных обысков 11 октября 2017 года¹. После ареста Киевский районный суд г. Симферополя избрал меру пресечения в виде заключения под стражу до начала судебного процесса². Впоследствии Южный окружной военный суд г. Ростов-на-Дону распорядился о переводе этих лиц из Крыма на территорию Российской Федерации³.

Сторона обвинения выдвинула против каждого из этих лиц обвинения в совершении двух преступлений, предусмотренных российским Уголовным кодексом – «подготовка насильственного захвата власти или насильственного

¹ Правозащитный Центр «Мемориал». «Бахчисарайское дело восьми о членстве в запрещённой организации «Хизб ут-Тахрир». Опубликовано по адресу <https://memohrc.org/ru/special-projects/bahchisarayskoe-delo-vosmeryh-o-chlenstve-v-zapreshchyonnoy-hizb-ut-tahrir?page=2>.

² Там же.

³ Там же.

удержания власти»⁴, а также «организация»⁵ деятельности террористической организации или «участие»⁶ в ней, по каждому из которых предусматривается тюремное заключение сроком до 20 лет. Различные суды удовлетворяли неоднократные обращения стороны обвинения, касавшиеся продления срока досудебного содержания всех восьмерых подсудимых в следственном изоляторе, причём они оставались в заключении с момента их ареста вплоть до завершения работы суда первой инстанции в сентябре 2020 года.

15 ноября 2019 года в Ростове-на-Дону было начато рассмотрение Южным окружным военным судом дела по обвинению Мустафаева и его соотечественников⁷. Дело заслушивалось судебной коллегией, состоявшей из трёх членов, под председательством судьи Ризвана Абдуллаевича Зубаирова⁸.

Прокурор, полковник Евгений Сергеевич Колпиков, построил обвинение на утверждениях о том, что подсудимые являются членами «Хизб ут-Тахрир» («ХуТ») – исламской политической партии, которая в Российской Федерации считается одной из террористических организаций и запрещена решением Верховного суда от 2003 года⁹. Ни в Украине, ни в Соединённых Штатах «ХуТ» не считается террористической организацией: на самом деле «ХуТ» исповедует принцип ненасилия¹⁰.

В поддержку своих аргументов сторона обвинения представила свидетельства публикаций «ХуТ», запрещённых российскими властями и якобы изъятых в домах

---

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации, Статья 278, во взаимосвязи со Статьёй 30(1) (режим ответственности «подготовка»).

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации, Статья 205.5(1) («организация»). По этому подпункту обвинения были предъявлены Асанову, Белялову и Ибрагимову.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации Статья 205.5(2) («участие»). По этому подпункту обвинения были предъявлены Мустафаеву, Аметову, Зекирьяеву, Салиеву и Смаилову.

⁷ Заметки наблюдателя от 15 ноября 2019 года.

⁸ Там же.

⁹ См. Национальный антитеррористический комитет Российской Федерации, Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Опубликован по адресу <http://en.nac.gov.ru/node/950.html>. Решение Верховного суда было подвергнуто жёсткой критике в связи с тем, что с его помощью было признано незаконными множество организаций, при этом в нём не было приведено адекватного обоснования характера их деятельности. Например, в 2016 году четыре известных российских группы по правам человека выпустили совместное заявление, в котором данное решение Верховного суда критиковалось за то, что партия «Хизб ут-Тахрир» была признана «незаконной», поскольку, по их мнению, ни в литературе этой организации, ни в её практике или деятельности не содержалось никаких указаний на её участие в террористических действиях. См. публикацию Правозащитного центра «Мемориал», комитета «Гражданское содействие», Информационно-аналитического центра «СОВА» и Института прав человека «О преследовании Рустема Латыпова» от 7 февраля 2016 года. Опубликовано по адресу <https://refugee.ru/news/o-presledovanii-rustema-latypova/>.

¹⁰ См. The Brookings Project on U.S. Policy Towards the Islamic World, “The U.S., Hizb-ut-Tahrir, and Religious Extremism in Central Asia”, 2016. Опубликовано по адресу <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/khamidov20030701.pdf>.

подсудимых во время обысков,¹¹ тайно сделанные записи разговоров этих лиц в мечети, которые, согласно заключениям представленной обвинением «экспертизы», доказывают, что эти лица проводили тайные собрания «ХуТ»; а также показания двух анонимных свидетелей, которые утверждают, что присутствовали на этих тайных собраниях «ХуТ» с участием подсудимых¹². При этом ни обвинение, ни его свидетели ни разу не представили доказательств того, что кто-либо из восьми подсудимых планировал или осуществлял насильственные действия и что кто-либо из подсудимых имел или пытался приобрести оружие.

Мустафаев и остальные семь соответчиков не признали свою вину, указывая на недостаточность адекватных доказательств того, в чём они обвиняются, отмечая бессвязность 1500-страничного обвинительного заключения и утверждая, что эти обвинения были выдвинуты для того, чтобы наказать их за работу в качестве активистов и принудить к молчанию¹³. Суд проводился на протяжении 72 заседаний, которые состоялись в период с ноября 2019 года по сентябрь 2020 года. 16 сентября 2020 года Южный окружной военный суд признал Мустафаева и шестерых его соответчиков виновными в совершении инкриминируемых им преступлений и приговорил их по совокупности к срокам от 13 до 19 лет с содержанием в колонии строгого режима, а также к дополнительному испытательному сроку от года до полутора лет¹⁴. Один человек был оправдан, при этом суд отметил, что он являлся членом «ХуТ» наряду с остальными подсудимыми, но в августе 2017 года «добровольно прекратил участие в деятельности организации»¹⁵.

На досудебной и судебной стадиях производства допускались серьёзные нарушения прав. Судебное разбирательство в отношении этих лиц было незаконным с самого начала: оно было сопряжено с нарушением международного гуманитарного права, так как власти применяли российское уголовное право в оккупированном Крыму и перевозили украинских граждан на российскую территорию в целях содержания под стражей и проведения суда над ними. Кроме того, содержание под стражей всех восьмерых подсудимых, при котором большинство из них на момент вынесения приговора уже находились в заключении

---

¹¹ Заметки наблюдателя от 28 января 2020 года; Заметки наблюдателя от 7 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 10 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 18 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 18 мая 2020 года; Заметки наблюдателя от 19 мая 2020 года.

¹² Заметки наблюдателя от 25 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 26 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 27 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 28 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 2 марта 2020 года; Заметки наблюдателя от 3 марта 2020 года; Заметки наблюдателя от 4 марта 2020 года (анонимный свидетель «Исмаилов»); Заметки наблюдателя от 9 июня 2020 года; Заметки наблюдателя от 10 июня 2020 года; Заметки наблюдателя от 11 июня 2020 года; Заметки наблюдателя от 15 июня 2020 года; Заметки наблюдателя от 16 июня 2020 года (анонимный свидетель «Бекиров»).

¹³ Заметки наблюдателя от 19 ноября 2019 года.

¹⁴ Заметки наблюдателя от 16 сентября 2020 года. См. также Южный окружной военный суд, решение суда первой инстанции от 16 сентября 2020 года, стр. 39–40.

¹⁵ Южный окружной военный суд, решение суда первой инстанции от 16 сентября 2020 года, стр. 35.

в течение трёх лет, являлось как незаконным, так и произвольным. Наконец, сам судебный процесс характеризовался неоднократными нарушениями прав подсудимых на справедливое судебное разбирательство, такими как использование анонимных свидетелей без объективных на то оснований или обеспечения уравнивающих процессуальных гарантий; отказ стороне защиты в праве на перекрёстный допрос свидетелей обвинения и на вызов свидетелей защиты; а также нарушение права подсудимых на презумпцию невиновности – а именно, недостаточно обоснованный обвинительный приговор при практическом отсутствии соответствующих доказательств.

Приведённый ниже анализ основан на требованиях обязательных международных договоров, одной из сторон которых является Российская Федерация, в том числе Конвенции о защите гражданского населения во время войны (Четвёртой Женевской конвенции), Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) и Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ). Чтобы выполнить свои обязательства по вышеупомянутым договорам, Российская Федерация должна отменить вынесенные этим лицам приговоры и обеспечить их немедленное освобождение. Кроме того, российские власти должны отказаться от применения российского уголовного права в оккупированном Крыму, а также прекратить незаконно перевозить украинских граждан на российскую территорию.

А. НАРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА И НАКАЗАНИЕ НЕ НА ОСНОВАНИИ ЗАКОНА

С самого начала уголовные обвинения в адрес Мустафаева и его соответчиков представляли собой нарушение фундаментальных положений международного гуманитарного права, законов войны. В частности, применение Россией своего уголовного права на оккупированной территории является нарушением Статьи 64 Конвенции о защите гражданского населения во время войны (Четвёртой Женевской конвенции), в которой недвусмысленно говорится, что «[у]головное законодательство оккупированной территории остаётся в силе... [с]удебные органы оккупированной территории будут продолжать исполнять свои функции при всех правонарушениях, предусмотренных этим законодательством»¹⁶.

Невзирая на утверждения Российской Федерации об обратном, Крымский полуостров юридически остаётся украинской территорией, находящейся под российской оккупацией, что признаётся подавляющим большинством членов Генеральной ассамблеи ООН и многими другими международными организациями¹⁷. Действительно, в результате данной оккупации Россия подвергается санкциям, при этом, помимо прочего, Европейский парламент и НАТО обращаются к российским властям с призывом восстановить полную

---

¹⁶ Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны, Женева, 12 августа 1949 года, Статья 64. Очевидно, что два исключения из этого требования – отмена «законов, которые «касаются [] привлечения или побуждения населения к оказанию сопротивления противнику» и «любые меры дискриминационного характера, несовместимые с требованиями гуманности» – в данном случае неприменимы. Как отмечается в комментарии к Конвенции от 1958 года, «эти два исключения имеют строго ограниченный характер. Оккупационные власти не могут отменять или приостанавливать действие уголовных законов по любым другим причинам – в частности, просто для того, чтобы привести их в соответствие со своими собственными правовыми представлениями». Международный комитет Красного креста, комментарий к IV Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны, 1958, стр. 335–336. Опубликовано по адресу https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/GC_1949-IV.pdf.

¹⁷ См. например, резолюцию 68/262 Генеральной ассамблеи Организации Объединённых Наций: Территориальная целостность Украины, док. ООН A/RES/68/262 от 1 апреля 2014 года. См. также, например, Европейский парламент, резолюция Европейского парламента от 18 июля 2019 года по России, а именно о ситуации с активистами экологического движения и украинскими политическими заключёнными, 2019/2734(RSP) от 18 июля 2019 года. Опубликовано по адресу https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0006_EN.html; Служба внешних операций Европейского союза, «Заявление спикера о нарушениях прав человека и незаконном задержании крымских татар Российской Федерацией» от 30 марта 2019 года. Опубликовано по адресу https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/60408/statement-spokesperson-human-rights-violations-against-and-illegal-detention-crimean-tatars_en; Организация Североатлантического договора, Заявление Североатлантического совета по Крыму, пресс-релиз (2019) 039 от 18 марта 2019 года. Опубликовано по адресу https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_164656.htm?selectedLocale=en.

территориальную целостность Украины¹⁸. Между тем авторитетные источники предоставляют исчерпывающие документальные свидетельства систематического нарушения прав жителей Крыма оккупационными российскими властями¹⁹. В настоящее время ожидается рассмотрение Европейским судом по правам человека четырёх межгосударственных жалоб, поданных Украиной против России в связи с нарушениями прав человека в оккупированном Крыму и в восточной части Украины, помимо тысяч соответствующих заявлений отдельных граждан²⁰. Одно из межгосударственных дел касается именно политически мотивированных преследований и сопутствующих нарушений прав украинских граждан, осуществляемых российскими властями на оккупированной территории²¹.

В соответствии с более широкой практикой систематического нарушения прав в Крыму, российские власти нарушили требования Четвёртой Женевской конвенции, выдвинув против Мустафаева и его соотечественников обвинения в рамках российского уголовного законодательства, и подвергли их разбирательству в российском суде. Согласно Статье 64 Четвёртой Женевской конвенции, власти были обязаны применять к подсудимым украинское право и рассматривать их дело в украинском

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. например, Управление Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по правам человека, «Ситуация с правами человека во временно оккупированной Автономной республике Крым и городе Севастополь (Украина)» от 2017 год. Опубликовано по адресу https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/Crimea2014_2017_EN.pdf; Совет ООН по правам человека, «Доклад о ситуации с правами человека в Украине с 16 февраля по 15 мая 2019 года», док. ООН № A/HRC/41/CRP.2 от 25 июня 2019 года. Опубликовано по адресу https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session41/Documents/A_HRC_41_CRP.2.docx; Государственный департамент США, 2019 «Страновые отчёты о практике в области прав человека: Украина – Крым», март 2020 года. Опубликовано по адресу <https://www.state.gov/reports/2019-country-reports-on-human-rights-practices/ukraine/crimea/>.

²⁰ На декабрь 2020 года Украиной подано против России четыре межгосударственных жалобы, которые ожидают рассмотрения в Европейском суде, помимо более 7000 заявлений отдельных граждан, поданных в связи с этими делами. См. заявление Пресс-секции Европейского суда по правам человека «Вопросы и ответы о межгосударственных делах» за декабрь 2020 года, стр. 3. Опубликовано по адресу https://echr.coe.int/Documents/Press_Q_A_Inter-State_cases_ENG.pdf.

²¹ См. пресс-релиз Европейского суда по правам человека «Новые межгосударственные заявления, поданные Украиной против России» от 27 августа 2018 года. Опубликовано по адресу <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=003-6172867-7998333&filename=New%20inter-state%20application%20brought%20by%20Ukraine%20against%20Russia.pdf>. («Данное заявление касается украинских граждан, подвергнутых аресту и преследованию, а в некоторых случаях – осужденных Российской Федерацией по обвинению в членстве в организациях, запрещённых по российскому законодательству, разжигании ненависти или насилия, совершении военных преступлений, шпионаже и терроризме. Правительство Украины заявляет о нарушениях положений Статей 3 (запрещение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения), 5 (право на свободу и личную неприкосновенность), 6 (право на справедливое судебное разбирательство), 7 (наказание исключительно на основании закона), 8 (право на уважение частной и семейной жизни), 9 (свобода мысли, совести и религии), 10 (свобода выражения мнения), 11 (свобода собраний и объединений), 13 (право на эффективное средство правовой защиты), 14 (запрещение дискриминации) с 18 (пределы использования ограничений в отношении прав) Конвенции. Согласно этим заявлениям, Российская Федерация осуществляет административную практику подавления выражения гражданами Украины своих политических взглядов в пользу восстановления границ до 2014 года, а также наказания граждан Украины за членство в определённых организациях, которые являются легальными в Украине»). Там же, стр. 1.

суде. Как отмечалось выше, «ХуТ» не запрещена в Украине. Этот факт неоднократно упоминался подсудимыми в ходе всего судебного процесса и последовательно отклонялся судом, в том числе и в приговоре суда²².

Незаконность данного преследования была также очевидна из того факта, что власти насильственно перевезли подсудимых – граждан Украины – с оккупированной территории на территорию Российской Федерации, что запрещено Статьёй 49 Четвёртой Женевской конвенции. В Статье 49 говорится: «Воспрещаются по каким бы то ни было мотивам угон, а также депортация покровительствуемых лиц из оккупированной территории на территорию оккупирующей державы или на территорию любого другого государства независимо от того, оккупированы они или нет»²³. Европейский Союз озвучил своё возражение против таких перемещений в контексте действий России в Крыму, в том числе и в рамках данного дела, подчеркнув, что «ЕС не признаёт принудительное применение российского права в Крыму и городе Севастополе, поскольку это противоречит международному праву, а также перевод граждан Украины из Крыма в суды, находящиеся на территории России»²⁴.

В свете вышесказанного действия российских властей по перевозу подсудимых с оккупированной территории Крыма в Россию, а также рассмотрение их дела российским трибуналом в соответствии с нормами российского законодательства, представляет собой нарушение Статей 49 и 64 Четвёртой Женевской конвенции.

Кроме того, учитывая незаконное применение российского уголовного права, осуждение этих лиц в рамках данного законодательства представляет собой наказание не на основании закона. В Статье 15(1) МПГПП говорится, что «[н]икто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое, согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву, не являлось уголовным преступлением». В Статье 7(1) ЕКПЧ содержится идентичная формулировка.

---

²² Например, Заметки наблюдателя от 14 января 2020 года. В своём обвинительном приговоре суд постановил: «Является необоснованным довод стороны защиты о распространении на подсудимых положений IV Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г., поскольку подсудимые являются гражданами Российской Федерации, на территории которой ими совершены инкриминируемые преступления. По этим же основаниям оценка деятельности организации «Хизб ут-Тахрир» в Украине правового значения не имеет». Южный окружной военный суд, решение суда первой инстанции от 16 сентября 2020 года, стр. 25.

²³ Женевская (IV) конвенция о защите гражданского населения во время войны. Женева от 12 августа 1949 года, Статья 49. См. также Совет по правам человека, «Ситуация с правами человека во временно оккупированной Автономной республике Крым и городе Севастополь (Украина)», Док. ООН A/HRC/36/CRP.3 от 25 сентября 2017 года, пункты 14, 117–118.

²⁴ См. Служба внешних операций Европейского союза, «Заявление спикера о приговорах российского суда в отношении крымских татар» от 18 сентября 2020 года. Опубликовано по адресу https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/85347/ukraine-spokesperson-statement-sentencing-crimean-tatars-russian-court_en.

Основанием для обвинения этих лиц в терроризме и попытке государственного переворота послужило их предполагаемое членство в партии «Хизб ут-Тахрир», которая, опять же, не является незаконной в Украине. Даже если допустить, что их членство в этой организации будет доказано обвинением – что, как описывается ниже, является крайне сомнительным – то преследование и последующее осуждение этих лиц на основании их принадлежности к группе, которая признается законной в той юрисдикции, в которой они находились, представляет собой явное нарушение положений МПГПП и ЕКПЧ.

В. НЕЗАКОННОЕ И ПРОИЗВОЛЬНОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

И МПГПП, и ЕКПЧ запрещают лишать людей свободы незаконным или произвольным образом²⁵. «Незаконным» лишением свободы является любое лишение свободы, которое не соответствует процедуре и основаниям, установленным национальным законодательством и соответствующим международным правом²⁶. Напротив, в оценку произвольности включаются «элементы неадекватности, несправедливости, отсутствие предсказуемости и соблюдения процессуальных норм, а также элементов обоснованности, необходимости и пропорциональности»²⁷. В этой связи заключение под стражу до начала судебного процесса «должно быть разумным и необходимым при любых обстоятельствах»²⁸. Поскольку решение о заключении под стражу до начала судебного процесса должно приниматься в индивидуальном порядке и с учётом соображений разумности и необходимости задержания до начала суда, чрезмерно широкие, неясные и расширительные ссылки, такие как тяжесть обвинений и «общественная безопасность», являются недостаточным основанием для задержания²⁹. Соответственно, тот факт, что подсудимый является иностранцем, недостаточен для установления вероятности того, что он попытается скрыться³⁰.

²⁵ МПГПП, Статья 9(1); ЕКПЧ, Статья 5(1).

²⁶ Комитет по правам человека, Общий комментарий № 35, док. ООН ССРР/С/ГС/35 от 16 декабря 2014 года, пункт 44. См. также Европейский суд по правам человека (Большая палата), дело «Хассан против Соединённого Королевства», заявление № 29750/09 от 16 сентября 2014 года, пункты 104–105 (с выводом о том, что термин «законность» в том смысле, в котором он используется в Статье 5 ЕКПЧ, должен интерпретироваться в свете применимых международных обязательств, в том числе и в области международного гуманитарного права).

²⁷ Комитет по правам человека, Общий комментарий № 35, док. ООН ССРР/С/ГС/35 от 16 декабря 2014 года, пункт 12. (цитата по материалам Комитета по правам человека, дело Gorji-Dinka против Камеруна, заявление № 1134/2002, пункт. 5.1; Комитет по правам человека, дело Van Alphen против Нидерландов, заявление № 305/1988, пункт 5.8).

²⁸ Там же.

²⁹ Комитет по правам человека, Общий комментарий № 35, док. ООН ССРР/С/ГС/35 от 16 декабря 2014 года, пункт 38. См. также Комитета по правам человека, дело M. and B. Hill против Испании, 2 апреля 1997, док. ООН ССРР/С/59/D/526/1993, пункт 12.3; Торобеков против Кыргызстана, док. ООН ССРР/С/103/D/1547/2007, 21, 2011 ноября, пункт 6.3; Комитета по правам человека, дело Cedeno против Боливарианской Республики Венесуэла, док. ООН ССРР/С/106/D/1940/2010, 4 декабря 2012 года, пункт 7.10.

³⁰ Комитет по правам человека, Общий комментарий № 35, док. ООН ССРР/С/ГС/35, 16 декабря 2014 года, пункт 38. См. также Комитет по правам человека, дело M. and B. Hill против Испании, 2 апреля 1997 года, док. ООН ССРР/С/59/D/526/1993, пункт. 12.3.

Как пояснил Комитет по правам человека, «сам по себе факт того, что обвиняемый является иностранцем, не подразумевает того, что его можно заключить под стражу до начала судебного процесса»³¹. Государство обязано обосновать свои подозрения в том, что подсудимый может скрыться, и объяснить, «почему вопрос не мог быть решён путём определения соответствующей суммы залога»³².

В юриспруденции Европейского суда ясно указывается, что заключение под стражу до начала судебного процесса должно полностью обосновываться в тексте выносимого судебного постановления; постоянное заключение под стражу считается оправданным «только в случае, когда имеются конкретные указания на действительную необходимость в интересах общественности, которые, невзирая на положение о презумпции невиновности, перевешивают правило, требующее уважения к личной свободе и неприкосновенности»³³. Европейский суд признаёт четыре допустимых основания для заключения под стражу до начала судебного процесса: обеспечение того, чтобы обвиняемый явился в суд, предотвращение попыток повлиять на ход расследования или судебного разбирательства, предотвращение дальнейших правонарушений и предотвращение общественных беспорядков»³⁴. Однако для заключения под стражу до начала судебного процесса на любом из этих оснований, местные органы власти обязаны «установить и убедительным образом продемонстрировать наличие конкретных фактов, имеющих отношение к основаниям для продолжающегося содержания под стражей»³⁵. Европейский суд «неоднократно» устанавливал факты нарушения российскими органами власти положений Статьи 5, которые фактически «опирались лишь на тяжесть обвинений и использовали стереотипные формулы, не рассмотрев конкретные факты и иные меры пресечения»³⁶. Кроме того, он пришёл к выводу о том, что коллективное продление срока содержания под стражей нескольких соответчиков без приведения оснований по каждому из них представляет собой нарушение положений Статьи 5»³⁷.

Заключение Мустафаева и его соответчиков под стражу до начала судебного процесса было как незаконным, так и произвольным. Как описано выше, выдвинутые против них обвинения не имели основания в рамках применимого внутреннего права. Таким образом, их содержание под стражей в соответствии с

---

³¹ Комитет по правам человека, дело M. and B. Hill против Испании, 2 апреля 1997 года, док. ООН CCPR/C/59/D/526/1993, пункт 12.3.

³² Там же.

³³ Европейский суд по правам человека, дело «Долгова против России», заявление № 11886/05 от 2 марта 2006 года, пункт 44.

³⁴ Европейский суд по правам человека, дело «Худобин против России», заявление № 59696/00 от 26 октября 2006 года, пункт 104.

³⁵ Европейский суд по правам человека, дело «Долгова против России», заявление № 11886/05 от 2 марта 2006 года, пункт 45.

³⁶ См. Европейский суд по правам человека, дело «Пичугин против России», заявление № 38623/03 от 23 октября 2012 года, пункт 141.

³⁷ См. Европейский суд по правам человека, дело «Ярослав Белоусов против России», заявления № 2653/13 и 60980/14 от 4 октября 2016 года, пункт 137.

этими обвинениями не соответствовало предусмотренной законодательством процедуре и было незаконным в том смысле, в котором это предусматривается как в МПГПП, так и в ЕКПЧ.

Кроме того, те обстоятельства, при которых осуществляется длительное содержание Мустафаева и его соотечественников под стражей до начала судебного процесса, делают такое содержание произвольным. С момента первоначального ареста Мустафаева и его соотечественников ни обвинения, ни суды, вынесшие постановления об их задержании, продлевавшие или оставлявшие избранную меру пресечения без изменений, не представили «конкретных фактов» в применении к каждому отдельному подсудимому, обосновывающих лишение свободы. Например, Киевский районный суд г. Симферополя обосновал свое первоначальное постановление о предварительном заключении Мустафаева такими факторами, как тяжесть обвинений и его двойное российско-украинское гражданство, не указав при этом никаких конкретных фактов относительно того, имеются ли достаточные основания полагать что он может вмешиваться в ход разбирательства, скрыться, совершить правонарушение или иным образом нарушить общественный порядок, а вместо этого процитировал текст непосредственно из российского Уголовно-процессуального кодекса³⁸: те самые «стереотипные формулы», осуждаемые Европейским судом. В одном из своих последующих ходатайств о продлении срока содержания под стражей в период судебного разбирательства, сторона обвинения предложила в качестве обоснования этой меры всего лишь то, что с момента первоначального заключения этих лиц под стражу «обстоятельства не изменились»³⁹. Несмотря на возражения защиты – которая представила ряд аргументов в пользу того, почему дальнейшее содержание под стражей является незаконным – суд коллективно продлил срок содержания обвиняемых под стражей на основании ходатайства обвинения, не проведя никакого индивидуального анализа⁴⁰.

В то же время апелляционный суд неоднократно оставлял в силе содержание под стражей, избранное в качестве меры пресечения судом первой инстанции, не приводя конкретных обоснований своих решений⁴¹: «судебная коллегия

---

³⁸ См. Верховный суд Республики Крым, решение по апелляции о задержании С.Р. Мустафаева, 14 июня 2018 года (содержит обсуждение обоснования, приведённого судом Киевского района); Верховный суд Республики Крым, решение по апелляции о задержании С.Р. Мустафаева, 24 июня 2018 года (содержит обсуждение обоснования, приведённого судом Киевского района).

³⁹ См. например, Заметки наблюдателя от 6 февраля 2020 года (в которых говорится: «Обвинение направляет ходатайство в соответствии со Статьёй 255(3) Уголовно-процессуального кодекса о продлении срока содержания под стражей. Ранее содержание под стражей продлевалось на три месяца. Срок истекает 13 февраля. Он полагает, что основания для содержания обвиняемых под стражей не изменились и не исчезли, никаких препятствий нет. Предлагает продлить этот срок на 3 месяца до 13 мая»); Заметки наблюдателя от 4 августа 2020 года (сторона обвинения направила аналогично необоснованное ходатайство о продлении срока, которое было удовлетворено).

⁴⁰ Заметки наблюдателя от 6 февраля 2020 года.

⁴¹ Заметки наблюдателя от 19 марта 2020 года; Заметки наблюдателя от 23 марта 2020 года (слушания по апелляции на решение о продлении содержания под стражей); Заметки наблюдателя

апелляционного военного суда определила: определение Южного окружного военного суда от 12 апреля 2020 года в котором срок содержания под стражей подсудимых...продлён... – оставить без изменения»⁴². К концу рассмотрения дела судом первой инстанции шестеро из подсудимых находились под стражей уже почти три года, а двое остальных содержались под стражей в течение двух лет и четырёх месяцев.

Отсутствие индивидуальных, обоснованных причин, приведенных судом при коллективном заключении обвиняемых под стражу, а также неоднократное необоснованное продление подсудимым срока содержания под стражей, делают это содержание под стражей произвольным, в нарушение положений МПГПП и ЕКПЧ.

С. ПРАВО НА ПРЕЗУМПЦИЮ НЕВИНОВНОСТИ

Презумпция невиновности является краеугольным камнем права на справедливое судебное разбирательство. Согласно этой концепции, лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в соответствии с предписываемой процедурой, установленной внутренним законодательством, а также в соответствии с международным правом⁴³. Как заявил Комитет по правам человека Организации Объединённых Наций, презумпция невиновности «возлагает обязанность доказывания на обвинение, гарантирует, что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого и требует, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом»⁴⁴. Презумпция невиновности включает принцип *in dubio pro reo*, согласно которому суд обязан разрешить любые имеющиеся сомнения по завершении представления доказательств в пользу

от 5 июня 2020 года; Заметки наблюдателя от 8 июня 2020 года (слушания по апелляции на решение о продление содержания под стражей) (Из Заметок наблюдателя от 8 июня: «Руководствуясь Статьями 389.13, 389.12, 389.28, 389.33 УПК РФ, судебная коллегия апелляционного военного суда определила: определение Южного окружного военного суда от 12 апреля 2020 года, в котором срок содержания под стражей подсудимых (перечисляет, без Ибрагимова) продлён на 3 месяца, т.е. до 12 августа 2020 года включительно – оставить без изменения»), Заметки наблюдателя от 9 июня 2020 года (продление срока содержания Ибрагимова под стражей также оставлено в силе без предъявления оснований).

⁴² Заметки наблюдателя от 8 июня 2020 года.

⁴³ В Статье 14(2) МПГПП говорится: «Все лица, против которых выдвигаются обвинения в совершении уголовных преступлений, имеют право на презумпцию невиновности до тех пор, пока не будет доказана их виновность в соответствии с законом». В Статье 6(2) ЕКПЧ говорится то же самое. См. также Комитет по правам человека, Общий комментарий № 32, док. ООН ССРР/С/ГС/32 от 23 августа 2007 года, пункт 30.

⁴⁴ Комитет по правам человека, Общий комментарий № 32, док. ООН ССРР/С/ГС/32, 23 августа 2007 года, пункт 30. См. также Комитет по правам человека, дело «Саидов против Таджикистана», док. ООН ССРР/С/122/D/2680/2015 года от 20 сентября 2018 года, пункт 9.4.

подсудимого⁴⁵. По этой причине Европейский суд постановил, что «отклонение всех доказательств в пользу ответчика без обоснования» нарушает презумпцию невиновности, возлагая «чрезмерное и неподъемное бремя доказывания»⁴⁶.

Соответственно, обвинительный приговор, недостаточно обоснованный в отношении расхождений и противоречий в доказательной базе, может являться нарушением презумпции невиновности⁴⁷. Европейский суд отметил, что «в решениях судов и трибуналов должны надлежащим образом указываться мотивы, на которых они основаны»⁴⁸, причём в указание этих мотивов должна включаться оценка надёжности и достоверности соответствующих доказательств. В деле «*Нечипорук и Йонкало*», например, Европейский суд рассмотрел случай, когда суд, вынесший приговор, не воспринял должным образом доводы подсудимого о том, что ключевой свидетель обвинения, возможно, был принуждён к даче показаний⁴⁹. Вынеся подсудимому обвинительный приговор, основанный на этих показаниях, без объяснения того, почему эти показания заслуживают доверия, и «проигнорировав конкретный, уместный и важный довод» защиты⁵⁰, суд тем самым нарушил презумпцию невиновности, а в более широком смысле – право подсудимого на справедливый суд.

В свете этих стандартов, осуждение Мустафаева и шестерых его соответчиков явилось грубым нарушением презумпции невиновности. В своей заключительной 40-страничной части приговора Южный окружной военный суд не привёл достаточных обоснований установления вины подсудимых, проигнорировав отсутствие надёжных и неопровержимых доказательств виновности; ключевые противоречия в показаниях свидетелей обвинения; а также конкретные и аргументированные жалобы со стороны защиты, касающиеся, помимо прочего, процессуальных нарушений, допущенных в ходе обысков, которые проводились в домах подсудимых⁵¹.

---

⁴⁵ См. Европейский суд по правам человека (Большая палата), дело «Навальный против России», заявление № 29580/12 и другие от 15 ноября 2018 года, пункт 83 (удовлетворённое цитирование соответствующего решения Палаты).

⁴⁶ См. там же (цитирование прецедентной практики с аналогичными решениями).

⁴⁷ См., например, Европейский суд по правам человека, дело «Айдарик против Хорватии», заявление № 20883/09 от 13 декабря 2011 года, пункты 46–52.

⁴⁸ См. Европейский суд по правам человека, дело «Нечипорук и Йонкало против Украины», заявление № 42310/04 от 21 апреля 2011 года, пункт 272.

⁴⁹ См. там же, пункты 277–281.

⁵⁰ См. там же, пункт 280; см. также Европейский суд по правам человека, дело «Ростомашвили против Грузии», заявление № 13185/07 от 8 ноября 2018 года, пункты 59–60.

⁵¹ Защита подняла все эти вопросы, наряду с многими другими, во время прений. Заметки наблюдателя от 1 сентября 2020 года; Заметки наблюдателя от 3 сентября 2020 года; Заметки наблюдателя от 7 сентября 2020 года; Заметки наблюдателя от 8 сентября 2020 года; Заметки наблюдателя от 9 сентября 2020 года; Заметки наблюдателя от 10 сентября 2020 года.

Недостаточность доказательств

Суд вынес обвинительный приговор в адрес семерых подсудимых, невзирая на недостаточность доказательств, представленных обвинением. В отношении обвинений, касавшихся «ХуТ», суд сделал выводы о том, что данные лица являлись активными участниками данной организации, в первую очередь на основании показаний трёх свидетелей обвинения: офицера Федеральной службы безопасности (ФСБ)⁵² Николая Артыкбаева и двух анонимных свидетелей под условными фамилиями «Исмаилов» и «Бекиров». Никто из этих свидетелей не представил конкретных, неопровержимых доказательств членства подсудимых в «ХуТ», а в их показаниях имелось более чем достаточно расхождений.

Первый свидетель обвинения, Николай Артыкбаев, дал показания относительно операций «ХуТ» в Крыму и о прослушивании им телефонных разговоров между подсудимыми в местной мечети, которые, по его словам, подтверждали то, что подсудимые являлись членами «ХуТ». Тем не менее, во время перекрёстного допроса Артыкбаев ответил «Я не знаю» на сотни вопросов защиты, тем самым, не подтвердив свои заявления о том, что подсудимые являлись членами «ХуТ». Например, Артыкбаев отказался указать детали, касающиеся источников его сведений, неоднократно ссылаясь на «государственную тайну» и озвучивая невнятные проблемы безопасности⁵³. Аналогичным образом отказался он отвечать и на вопросы стороны защиты о конкретных обстоятельствах предполагаемой деятельности подсудимых, постоянно заявляя: «вся информация в материалах уголовного дела»⁵⁴.

Несмотря на это, показания Артыкбаева стали важной частью вынесенного судом обвинительного приговора. По утверждению суда, Артыкбаев помог установить, что в период совершения предполагаемых преступлений в соответствующем сообществе существовала ячейка «ХуТ» и что все восемь подсудимых являлись её членами:

Свидетель Артыкбаев - сотрудник УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю в суде показал, что в 2016 г. в г. Бахчисарае Республики Крым была выявлена деятельность ячейки «Хизб ут-Тахрир» в составе руководителей Асанова, Белялова и Ибрагимова, а также участников: Аметова, Зекирьяева, Мустафаева, Салиева и Смаилова. В рамках оперативно-розыскных мероприятий (далее - ОРМ) с использованием средств

⁵² ФСБ отвечает за внутреннюю безопасность Российской Федерации, контрразведку, а также борьбу с организованной преступностью, терроризмом и торговлей наркотиками.

⁵³ Например, Заметки наблюдателя от 16 декабря 2019 года.

⁵⁴ Например, Заметки наблюдателя от 23 декабря 2019 года; Заметки наблюдателя от 24 декабря 2019 года; Заметки наблюдателя от 14 января 2020 года; Заметки наблюдателя от 15 января 2020 года; Заметки наблюдателя от 20 января 2020 года; Заметки наблюдателя от 27 января 2020 года.

аудиофиксации удалось задокументировать тайные занятия («сухбеты») названной террористической организации, проведённые в помещении мечети, расположенной в 6-м микрорайоне г. Бахчисарая, в которых приняли участие перечисленные лица⁵⁵.

Показания анонимных свидетелей вызвали аналогичные сомнения относительно их осведомленности и достоверности их утверждений. Хотя и Исмаилов, и Бекиров свидетельствовали о том, что присутствовали на ряде собраний «ХуТ» с участием подсудимых, они дали ответы «Я не знаю» и «Я не помню» на многие вопросы стороны защиты, нацеленные на установление подробностей этих собраний, того, когда и где они проходили, кто и о чём говорил, а также других элементарных деталей⁵⁶.

Достоверность показаний Бекирова вызвала еще большие сомнения, когда, вопреки его утверждениям о том, что он являлся активным членом «Хизб ут-Тахрир» – на которых и были основаны его якобы знания о деятельности подсудимых в данной организации – он не смог ответить на самые простые вопросы о целях этой партии, её руководителях и процедурах. Например, Бекиров не мог вспомнить полное название «ХуТ» или то, как оно переводится⁵⁷; он не мог внятно объяснить, как стать членом «ХуТ», туманно пояснив, что «с вами будут работать определённые люди до тех пор, пока вы не станете членом»; и «после того, как вы изучите ... [не названные] книги»⁵⁸; он не смог ответить на вопрос «какой документ выдают человеку после того, как он становится членом «Хизб ут-Тахрир»⁵⁹; он не смог назвать имя руководителя «ХуТ»⁶⁰ или описать основные классификации в иерархии «ХуТ»⁶¹, а также не смог припомнить, какие темы и сколько книг он изучал в период предполагаемого членства в «ХуТ»⁶².

Как было заявлено защитой, показания Исмаилова и Бекирова вызвали сомнения в отношении того, были ли они вообще лично знакомы с отдельными подсудимыми. Во время дачи показаний⁶³ оба защищаемых свидетеля путали имена подсудимых,

---

⁵⁵ Южный окружной военный суд, решение суда первой инстанции от 16 сентября 2020 года, стр. 6.

⁵⁶ См. например, Заметки наблюдателя от 25 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 26 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 27 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 28 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 2 марта 2020 года; Заметки наблюдателя от 3 марта 2020 года; Заметки наблюдателя от 4 марта 2020 года (перекрёстный допрос Исмаилова); Заметки наблюдателя от 11 июня 2020 года; Заметки наблюдателя от 15 июня 2020 года; Заметки наблюдателя от 16 июня 2020 года (перекрёстный допрос Бекирова).

⁵⁷ Заметки наблюдателя от 11 июня 2020 года.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Заметки наблюдателя от 15 июня 2020 года.

⁶² Там же.

⁶³ Заметки наблюдателя от 25 февраля 2020 года («Исмаилов» несколько раз называл подсудимого Белялова «Беляевым»); Заметки наблюдателя от 10 июня 2020 года (Перечисляя подсудимых, которых, по его словам, он видел на собрании «ХуТ», «Бекиров» сначала называет Сейрана

хотя утверждали, что провели со всеми ними много времени. Кроме того, им было трудно описать этих людей. Например, Бекиров утверждал, что проводил «каждую субботу и воскресенье» с подсудимым Беляловым. Когда Бекирова спросили, как выглядел Белялов, он сначала сказал: «Как холостяк», потом «Я не помню» и, наконец, заявил: «Как обычный человек». Впоследствии он дал ответ «Я не помню» на 12 вопросов подряд, которые касались базовых аспектов внешнего вида Белялова, например о том, какого цвета у него была кожа - тёмного или светлого, носил ли он очки и была ли у него борода⁶⁴.

Кроме того, в ходе перекрёстного допроса Бекиров допустил высказывания, которые противоречили его предыдущим показаниям, сделанным во время прямого допроса. Ранее он показал, что в 2016–2017 гг. он участвовал в собраниях «ХуТ» вместе с подсудимыми⁶⁵, однако в ходе перекрёстного допроса заявил, что не помнит, посещал ли он мечети в 2016 году или даже жил ли он в Крыму в период с 2016 по 2017 годы⁶⁶. Таким образом, Исмаилов и Бекиров противоречили друг другу в отношении центрального аспекта аргументации обвинения: проводили ли подсудимые тайные собрания «ХуТ» в местной мечети? Исмаилов показал, что эти собрания (под названием «сухбеты») были закрытыми для тех, кто не был членом «ХуТ», и проводились тайно⁶⁷, в присутствии ограниченного числа участников, в то время как Бекиров утверждал прямо противоположное – что сухбеты «ХуТ» были открытыми, и в них мог принимать участие любой, но во время собраний члены «ХуТ» скрывали свою причастность к этой организации⁶⁸.

Несмотря на пробелы и противоречия в показаниях анонимных свидетелей, суд беспрекословно принял их в качестве убедительного доказательства для того, чтобы осудить семерых из восьми подсудимых. Например, суд установил, что показания Бекирова исчерпывающим образом доказывают, что:

С 2016 г. в мечети 6-го микрорайона г. Бахчисарая и в 2017 г. в мечети, расположенной в селе Новенькое, в его [Бекирова] присутствии проводились занятия («сухбеты») организации «Хизб ут-Тахрир», на которых присутствовало около 60 человек, и участвовали Асанов,

---

Салиева «Эрнестом»; после того как прокурор указал на эту ошибку, свидетель исправился и назвал его «Эдем», что тоже было неправильным).

⁶⁴ Заметки наблюдателя от 11 июня 2020 года. «Адвокат (С): С: как выглядит Белялов? Бекиров: не помню С: а в первую встречу? Б: не помню С: была борода? Б: не помню С: были очки? Б: не помню С: русским языком владеет? Б: не помню С: женат или нет? Б: не помню С: дети есть или были? Б: не помню С: родимые пятна у него были? Б: не помню С: он тёмненький или светленький? Б: не помню С: на правой руке у него все пальцы? Б: не помню С: здоровались за руку? Б: да С: кольца были на пальцах? Б: не помню С: а на правой руке были кольца? Б: не помню. Заметки наблюдателя от 11 июня 2020 года.

⁶⁵ Заметки наблюдателя от 10 июня 2020 года.

⁶⁶ Заметки наблюдателя от 15 июня 2020 года.

⁶⁷ Заметки наблюдателя от 25 февраля 2020 года. Заметки наблюдателя от 2 марта 2020 года. Заметки наблюдателя от 3 марта 2020 года.

⁶⁸ Заметки наблюдателя от 11 июня 2020 года.

Аметов, Белялов, Зекирьяев, Ибрагимов, Салиев, Смаилов и Мустафаев. На этих занятиях («сухбетах») обсуждались вопросы создания Халифата, а Асанов инициировал разговоры о разрушении России с этой целью, разъяснил порядок «смены власти»⁶⁹.

Аналогичным образом, суд признал заслуживающими доверия и показания Исмаилова; в своём приговоре он отметил, что его показания доказали, что:

Занятия («сухбеты») проводились поочерёдно Асановым, Зекирьяевым, Беляловым и Ибрагимовым (учителями - наиболее подготовленными членами организации) в мечети, расположенной в 6-ом микрорайоне г. Бахчисарая, по пятницам, с использованием литературы «Хизб ут-Тахрир» («Экономическая система ислама», «Основы исламской нафсии», «Система ислама») в виде отдельных листов текста, и были направлены на изучение идеологии, правил этой организации, на обсуждение социально-политической проблематики и на поиск новых сторонников. Кроме этого, на занятиях говорилось о необходимости изменения конституционного строя в России путём приискания единомышленников «Хизб ут-Тахрир», готовых воевать в этих целях. Они («сухбеты») носили тайный характер, посторонние лица (неприглашённые) присутствовать на них не могли, а время проведения мероприятия в целях конспирации периодически изменялось, и запрещалось пользоваться телефонами⁷⁰.

Оценивая в своём решении ценность этих показаний, суд охарактеризовал показания Бекирова как «подробные, последовательные, логичные и ясные» и не принял во внимание «[о]тдельные неточности» и отсутствие у Бекирова детализации некоторых эпизодов, касающихся деятельности подсудимых, сочтя их «несущественными»⁷¹. Аналогичным образом, суд подытожил достоверность показаний Исмаилова в одном предложении: «[п]оказания свидетеля Исмаилова (псевдоним) соответствуют тем же критериям [как и показания Бекирова]⁷². Суд добавил, что показания этих двух свидетелей «соответств[овали] друг другу как в общих чертах, так и в деталях»⁷³. Ненадлежащий характер этой оценки находит своё отражение в том факте, что сам суд в своём обвинительном приговоре воспроизвёл фундаментальное противоречие между показаниями этих двух анонимных

⁶⁹ Южный окружной военный суд, решение суда первой инстанции от 16 сентября 2020 года, стр. 7.

⁷⁰ Там же, стр. 9.

⁷¹ Там же, стр. 18-19.

⁷² Там же, стр. 19.

⁷³ Там же.

свидетелей (по поводу того, проводились ли собрания-«сухбеты» членов «ХуТ» тайно или нет), очевидно, не заметив этого несоответствия⁷⁴.

В отношении обвинений в «подготовке насильственного захвата власти или насильственного удержания власти» свидетели обвинения дали столь же сомнительные показания. Например, на вопрос прокурора «Говорил ли вам [подсудимый] Асанов о том, что он готовит захват власти, насильственное изменение конституционного строя в Российской Федерации?» Бекиров ответил «да». Однако, когда его спросили, «когда, где и какими методами» Асанов это делал, Бекиров не смог ответить, невнятно бормотал что-то и, наконец, заявил: «Марлен Асанов неоднократно поднимал вопрос о захвате власти»⁷⁵. Ответы Бекирова, данные в ходе перекрёстного допроса Мустафаевым на более поздней стадии слушания, ещё более продемонстрировали, что он не располагает достоверными сведениями о предположительно преступном поведении подсудимого:

Мустафаев (М): кто-то из подсудимых доносил до вас официальную позицию по установлению халифата в Крыму или в России?

Бекиров (Б): да.

М: кто?

Б: тот, кто в зале суда.

М: все?

Б: да.

М: где и при каких обстоятельствах?

Б: (не чётко)

М: что он ответил?

Прокурор: на уроках Хизб ут-Тахрир...

М: вы не ответили, где?

Б: в Крыму, место не знаю⁷⁶.

---

⁷⁴ В отношении показаний Бекирова суд пришёл к выводу о том, что: «Посещая данные мероприятия, [Бекиров] узнал, что занятия, проводимые участниками «Хизб ут-Тахрир» в домовладениях, называются «халакаты», а в мечетях, в том числе расположенной в 6-м микрорайоне г. Бахчисарая - «сухбеты». При проведении «халакатов» не скрывается принадлежность участников к организации, **а в ходе «сухбетов» скрывается, при этом идеология «Хизб ут-Тахрир» обсуждается в очень завуалированном виде, запрещено упоминать наименование организации**. Южный окружной военный суд, решение суда первой инстанции от 16 сентября 2020 года, стр. 7. (добавлено выделение жирным шрифтом). Через две страницы, подводя итоги под фактами, установленными с помощью показаний Исмаилова, суд пришёл к выводу о том, что: «Занятия («сухбеты») проводились поочередно Асановым, Зекирьяевым, Беляловым и Ибрагимовым (учителями – наиболее подготовленными членами организации) в мечети, расположенной в 6-м микрорайоне г. Бахчисарая, по пятницам, с использованием литературы «Хизб ут-Тахрир» («Экономическая система ислама», «Основы исламской нафсии», «Система ислама»)...

Они («сухбеты») носили тайный характер, посторонние лица (неприглашённые) присутствовать на них не могли, а время проведения мероприятия в целях конспирации периодически изменялось, и запрещалось пользоваться телефонами.» Там же, стр. 9 (добавлено выделение жирным шрифтом).

⁷⁵ Заметки наблюдателя от 11 июня 2020 года.

⁷⁶ Заметки наблюдателя от 16 июня 2020 года.

Примечательно, что в ходе судебного процесса ни сторона обвинения, ни кто-либо из свидетелей не утверждали, что кто-либо из восьмерых подсудимых планировал или осуществлял конкретные акты насилия или что они имели или пытались приобрести оружие или взрывчатые вещества. Аналогичным образом, не было обнаружено никаких вещественных доказательств того, что указывало бы на наличие планов по насильственному захвату власти: ни оружия, ни взрывчатых веществ, ни финансового следа, ни документов, в которых отражался бы некий заговор. Тем не менее, семеро из восьми подсудимых были осуждены за совершение этого преступления.

Кроме того, в обвинительном приговоре было проигнорировано очевидное отсутствие ключевых вещественных доказательств, касавшихся членства в «ХуТ» - факт, который суд обязан был истолковать в пользу подсудимых. В частности, сторона обвинения утверждала, что подсудимые в целях «конспирации» пользовались специально изменёнными мобильными телефонами, которые не были подключены к сети, но давали подсудимым возможность с помощью Bluetooth пересылать друг другу запрещённую литературу «ХуТ»⁷⁷. При этом сторона обвинения не обнаружила таких устройств ни в одном из домов подсудимых, а также в магазине, в котором один из подсудимых предположительно продавал эти устройства другим членам «ХуТ»⁷⁸. Анонимный свидетель Бекиров, который давал показания о существовании этих специальных телефонов и утверждал, что получил телефон от одного из подсудимых, не предъявил его в качестве доказательства⁷⁹. Тем не менее, в обвинительном приговоре суд указывает на то, что подсудимые действительно имели и использовали эти специальные устройства для проведения своих тайных собраний «ХуТ»⁸⁰.

В отношении тех скудных вещественных доказательств, которые всё же *были* предъявлены, в приговоре, в котором упоминались заявления защиты о том, что эти доказательства были получены при проведении незаконных обысков, не имеется сколько-нибудь значительного анализа аргументов защиты. Чтобы продемонстрировать членство подсудимых в «ХуТ», прокурор представил определённую литературу «ХуТ», в том числе брошюры и книги, которые запрещены в Российской Федерации и которые якобы были изъяты во время

---

⁷⁷ Например, Заметки наблюдателя от 24 декабря 2019 года; Заметки наблюдателя от 10 июня 2020 года; Заметки наблюдателя от 16 июня 2020 года.

⁷⁸ Защита неоднократно обращала внимание на этот вопрос. Например, Заметки наблюдателя от 27 января 2020 года; Заметки наблюдателя от 8 сентября 2020 года. В самом деле, на суде сторона обвинения не представила таких доказательств, а в обвинительном приговоре не имеется ссылок на них при кратком описании соответствующих материалов, изъятых в ходе обысков.

⁷⁹ Защита указывала на это в заключительном слове. Заметки наблюдателя от 8 сентября 2020 года.

⁸⁰ См. Южный окружной военный суд, решение суда первой инстанции от 16 сентября 2020 года, стр. 6 (с описанием того, как подсудимый Белялов продал один из специальных телефонов анонимному свидетелю Бекирову и как Бекиров во время собраний видел, что подсудимые с помощью Bluetooth переносят запрещённую литературу «ХуТ» на эти устройства), стр. 8 (с описанием того, как Бекиров и подсудимые использовали во время собраний специальные устройства в качестве «меры конспирации»).

обысков, проведенных в домах подсудимых⁸¹. Однако в ходе судебного процесса сторона защиты указала на значительные процессуальные нарушения, допущенные во время обысков – такие, как якобы отказ обвиняемых от юридически закрепленного доступа к адвокату при проведении обысков⁸², а также на нарушения в протоколах проведенных обысков, составленных следователями, высказав предположения о возможной фальсификации протоколов⁸³. Если это действительно так, то такие утверждения в значительной степени подрывали бы достоверность данных доказательств или делали бы их абсолютно недопустимыми в соответствии с действующим российским законодательством⁸⁴.

Суд, однако, не предпринял никаких попыток проверить утверждения защиты, а в его вердикте подтверждается, что он счёл все рассмотренные доказательства полностью допустимыми и достаточно достоверными для установления того, что подсудимые являлись членами «ХуТ» а, значит, принимали участие в деятельности террористической организации⁸⁵. Например, в отношении ходатайства стороны защиты о признании недопустимыми трех протоколов обыска в связи с допущенными процессуальными нарушениями⁸⁶, суд проигнорировал эту обеспокоенность, не рассмотрев её по существу и отметив лишь, что, согласно полицейским протоколам, обыски проводились в полном соответствии с применимыми положениями Уголовно-процессуального кодекса, уполномоченными должностными лицами, с участием двух понятых и специалиста, а также что в протоколах не содержалось каких-то заявлений от участвующих лиц [обвиняемых] о нарушении порядка проведения данных следственных действий⁸⁷. Сами по себе ссылки исключительно на протоколы, которые предположительно могут быть сфальсифицированы, не являются достаточными и не могут представлять собой объективную оценку достоверности требований защиты.

В результате, тот факт, что при осуждении семерых из восьми подсудимых, суд опирался на расплывчатые, обобщённые и противоречивые показания свидетелей обвинения, в частности, в отсутствие достоверных подкрепляющих вещественных доказательств, возложил на обвиняемых «чрезмерное и неподъемное бремя

---

⁸¹ Заметки наблюдателя от 27 января 2020 года; Заметки наблюдателя от 28 января 2020 года; Заметки наблюдателя от 6 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 7 февраля 2020 года.

⁸² Например, Заметки наблюдателя от 27 ноября 2019 года; Заметки наблюдателя от 10 августа 2020 года; Заметки наблюдателя от 1 сентября 2020 года.

⁸³ Заметки наблюдателя от 19 января 2020 года; Заметки наблюдателя от 27 января 2020 года; Заметки наблюдателя от 28 января 2020 года; Заметки наблюдателя от 8 сентября 2020 года.

⁸⁴ Статья 50(2) Конституции Российской Федерации не допускает использование при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Статья 75(1) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации гласит, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК, являются недопустимыми.

⁸⁵ В поддержку своего вывода о том, что подсудимые являлись членами «ХуТ», суд в своём приговоре перечисляет все материалы «ХуТ», которые были якобы изъяты в домах подсудимых, и не упоминает ни о каких нарушениях, допущенных в ходе этих обысков. См. Южный окружной военный суд, решение суда первой инстанции от 16 сентября 2020 года, стр. 13–15.

⁸⁶ Там же, стр. 27–28.

⁸⁷ Там же, стр. 30–32.

доказывания»⁸⁸ своей невиновности – вместо доказывания прокурором вины обвиняемых. Все имеющиеся сомнения были разрешены в пользу обвинения, а не подсудимых. Кроме того, как и в деле «*Нечипорук и Йонкало*», в приговоре Южного окружного военного суда были проигнорированы ключевые аргументы стороны защиты, такие как недостаточно достоверные показания свидетелей обвинения (которые более подробно обсуждаются ниже) и предполагаемые процессуальные нарушения. Таким образом, суд существенно исказил принцип презумпции невиновности, в нарушение фундаментальных прав подсудимых.

D. ПРАВО НА ЭФФЕКТИВНОЕ УЧАСТИЕ И ПРАВО НА ЗАЩИТУ: ИЗОЛЯЦИЯ В «АКВАРИУМЕ»

Статья 14 МПГПП и Статья 6 ЕКПЧ гарантируют минимальные права лицам, обвиняемым в совершении уголовного преступления, включая право на эффективное участие в судебном процессе и право на свою защиту. Как заявил Европейский суд, «Статья 6 в своей совокупности гарантирует право подсудимого на эффективное участие в рассмотрении уголовного дела, которое включает, *помимо прочего*, не только его или её право на присутствие на процессе, но и право на то, чтобы слышать это судебное разбирательство и следить за его ходом»⁸⁹. Кроме того, в Статье 6 предусматривается взаимосвязанное право подсудимого защищать себя лично или через посредство защитника⁹⁰. Право на защиту подразумевает предоставление подсудимому возможности общаться со своим защитником конфиденциально и в режиме реального времени в ходе судебного разбирательства. Европейский суд заявил, что «право подсудимого на общение со своим адвокатом без риска того, что их слова будут услышаны третьей стороной, является одним из базовых требований справедливого суда в демократическом обществе, в противном случае помощь юристов потеряла бы значительную часть своей полезности»⁹¹.

В «*деле Ярослава Белоусова*» Европейский суд проанализировал случай, когда российские власти в ходе судебного разбирательства содержали заявителя и его соотечественников в небольшом застеклённом помещении⁹². Суд отметил, что содержание в застеклённом помещении «уменьшило... степень непосредственного

---

⁸⁸ См. Европейский суд по правам человека (Большая палата), дело «Навальный против России», Заявления № 29580/12 и другие от 15 ноября 2018 года, пункт 83 (цитата и обоснование решения Нижней палаты).

⁸⁹ Европейский суд по правам человека (Большая палата), дело «Муртазалиева против России», Заявление № 36658/05 от 18 декабря 2018 года, пункт 91.

⁹⁰ См. ЕКПЧ, Статья 6(3)(с).

⁹¹ Европейский суд по правам человека, дело «Ярослав Белоусов против России», Заявления № 2653/13 и 60980/14 от 4 октября 2016 года, пункт 149; см. также Европейский суд по правам человека (Большая палата), дело «Сахновский против России», Заявление № 21272/03 от 2 ноября 2010 года, пункт 97.

⁹² См. Европейский суд по правам человека, дело «Ярослав Белоусов против России», Заявления № 2653/13 и 60980/14 от 4 октября 2016 года, пункт 74.

участия в слушании», «сделало невозможным конфиденциальный обмен информацией между заявителем и его адвокатом», который происходил бы вне пределов слышимости приставов, и лишило подсудимого возможности делать заметки или получать документы, подрывая тем самым его право эффективно участвовать в данном судебном разбирательстве, а также получать практическую и эффективную юридическую помощь⁹³. Учитывая то, что суд, рассматривающий дело, не предпринял никаких шагов для того, чтобы устранить эти ограничения, Европейский суд пришёл к выводу о том, что содержание подсудимого в застеклённом помещении представляло собой нарушение его права на справедливый суд, включая право на защиту, предусмотренного в рамках Конвенции⁹⁴.

Как и в «деле Ярослава Белоусова», рассматривавший дело суд поместил Мустафаева и его соответчиков на период проведения судебного разбирательства в так называемый «аквариум» - закрытое застеклённое помещение в боковой части зала судебных заседаний Южного окружного военного суда. Из-за этого барьера подсудимые зачастую с трудом слышали, о чём говорилось на слушании, включая показания свидетелей и якобы обличающие аудиозаписи их разговоров в мечети⁹⁵. Когда подсудимые и их адвокаты пожаловались на то, что они не имеют возможности слышать происходящее, и попросили суд принять соответствующие меры, председательствующий судья Зубаиров сделал им строгое предупреждение и отказался принять меры по устранению допущенного нарушения. Из записок наблюдателя:

[Сторона обвинения представляет] запись, сделанную в декабре 2016 года. Запись включили, но ничего не было слышно — те лица, которые находились в Крыму [адвокаты, которые участвовали посредством видеосвязи], также сообщили, что ничего не слышат. Судебный секретарь ставит на максимальную громкость, но слышны лишь обрывки фраз. Слушатели в недоумении. Им непонятно, зачем слушать аудиозапись, на которой невозможно разобрать речь. Адвокаты информируют суд о том, что ничего не слышно.

[Адвокат] Легостов: Звук не проходит через стекло [в помещении, где находятся подсудимые].

[Адвокат] Гемеджи: Может поменяться с обвиняемыми местами?

Голос из «аквариума»: Можно и вовсе без нас судебное следствие провести.

---

⁹³ Там же, пункты 151–153.

⁹⁴ Там же, пункты 152–153 (вывод о нарушении требований Статей 6(1), 6(3)(b) и 6(3)(c) Конвенции).

⁹⁵ Например, Заметки наблюдателя от 19 февраля 2020 года.

Суд: Это не в рамках адвокатской этики. Будет занесено в протокол. Вы не в первый раз получаете предупреждение, держите себя в руках.

Судья Зубаиров кричит, с ним спорят адвокаты Гемеджи и Ладин.

[Адвокат] Гемеджи:...кто слушает запись?

Суд: Суд слушает, суду слышно, суд считает, что всем слышно. Достаточно реплик, продолжаем.

Гемеджи заявила возражение в связи с нарушением прав её подзащитного, невозможность качественного участия в судебном следствии.

Суд: Не надо говорить всем вместе, не заставляйте объявлять перерыв в связи с непочтением председательствующему. Присаживайтесь!⁹⁶

Кроме того, в половине застеклённого помещения не работало освещение, в результате чего там было слишком темно для того, чтобы в ходе судебного заседания подсудимые могли делать записи или знакомиться с документами⁹⁷. Эта ситуация, в сочетании с тем, что стеклянная перегородка служила препятствием для звука, крайне негативно повлияла на способность подсудимых принимать эффективное участие в судебном разбирательстве.

В связи с тем, что подсудимые были помещены в «аквариум», а их адвокаты – по другую сторону застеклённого помещения в зале заседаний, у подсудимых не было возможности конфиденциально консультироваться со своими адвокатами в ходе судебного слушания. Тем не менее, суд ответил отказом на неоднократные ходатайства вывести подсудимых из данного закрытого помещения и посадить их рядом со своими адвокатами в зале суда, с тем чтобы предоставить им возможность конфиденциального общения⁹⁸. В других случаях суд отвечал отказом на ходатайства адвокатов о том, чтобы устроить короткие перерывы в судебном заседании и дать им возможность проконсультироваться с их клиентами⁹⁹.

---

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Заметки наблюдателя от 27 мая 2020 года; Заметки наблюдателя от 17 августа 2020 года; Заметки наблюдателя от 7 сентября 2020 года.

⁹⁸ Например, Заметки наблюдателя от 27 ноября 2019 года; Заметки наблюдателя от 19 февраля 2020 года. (На слушании в ноябре Мустафаев подал суду ходатайство о переводе из «аквариума», заявив: «Нас, пока не приговорённых, содержат в клетке. Я ходатайствую, чтобы в соответствии с международными нормами мы могли сидеть с нашими адвокатами, не в клетке». Посовещавшись в зале судебного заседания, суд отказал в удовлетворении ходатайства о размещении подсудимых рядом с их адвокатами, объяснив это тем, что ходатайство Мустафаева «не указывает на противоречия закону» и что на самом деле этот барьер давал адвокатам возможность общаться с их клиентами. Суд проигнорировал право подсудимых на конфиденциальное общение со своими адвокатами).

⁹⁹ Например, Заметки наблюдателя от 20 мая 2020 года.

В одном, особенно возмутительном, случае судебный пристав пригрозил двум адвокатам Мустафаева административными штрафами, потому что во время перерыва они остались в зале заседаний, чтобы переговорить с ним. В тот раз, после того как Мустафаев возразил на решение суда, председательствующий судья распорядился удалить Мустафаева из зала суда не только на период данного слушания, но на всю оставшуюся часть разбирательства данного уголовного дела¹⁰⁰ — что явилось серьёзным нарушением его права присутствовать и лично защищать себя в суде (Мустафаев был отстранён от участия в слушаниях в общей сложности в девяти случаях)¹⁰¹. Зачитав своё решение, суд объявил 5-минутный перерыв. Два адвоката Мустафаева остались в зале суда, чтобы проконсультироваться с ним. Судебные приставы попросили адвокатов выйти, в ответ на что они заявили протест и сообщили, что консультируются со своим клиентом. Судебные приставы стали оформлять обоим адвокатам штрафы за административное правонарушение в соответствии со Статьёй 17.3 Кодекса об административных правонарушениях (неисполнение распоряжения судьи или судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов)¹⁰². Хотя в конце концов приставы прекратили выписывать штрафы, так и не подписав их, этот инцидент продемонстрировал желание суда ограничить доступ подсудимых к своим адвокатам, не обосновывая свои действия должным образом¹⁰³.

Нежелание суда, рассматривавшего дело, разрешить проблемы, вызванные содержанием подсудимых в «аквариуме», в частности, неспособность подсудимых слышать все, о чём говорилось во время слушаний, и консультироваться со своими адвокатами, самым серьёзным образом ограничило способность этих лиц эффективно участвовать в процессе и защищать самих себя, что представляет собой нарушение требований МПГПП и ЕКПЧ.

Описанные выше обстоятельства усугублялись тем, что председательствующий судья настаивал на соблюдении такого графика проведения слушаний, в котором не отводилось достаточно времени между заседаниями чтобы подсудимые могли консультироваться со своими адвокатами и эффективно готовиться к своей защите¹⁰⁴. В МПГПП и ЕКПЧ предусматривается право обвиняемого на достаточное

---

¹⁰⁰ Заметки наблюдателя от 11 августа 2020 года.

¹⁰¹ 24 декабря 2019 года; 20 мая 2020 года; 16 июня 2020 года; 11 августа 2020 года; 12 августа 2020 года; 17 августа 2020 года; 18 августа 2020 года; 20 августа 2020 года, 24 августа 2020 года. Хотя суд предположил, что Мустафаев мог получить аудиозаписи, он пояснил, что это было невозможно технически в связи с ограничениями, налагаемыми в следственном изоляторе. Заметки наблюдателя от 5 июня 2020 года.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Этот случай содействовал тому, что в отношении адвоката г-на Мустафаева было вынесено решение о неуважении к суду в связи с несоблюдением распоряжений суда.

¹⁰⁴ Например, Заметки наблюдателя от 21 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 28 февраля 2020 года.

время и возможности для подготовки своей защиты¹⁰⁵. Несмотря на возражения защиты, суд назначал многие заседания на даты, часто следовавшие друг за другом подряд, а иногда проводил судебные заседания с утра до 18:00 (а иногда даже до 20:00 или 21:00)¹⁰⁶; в результате чего подсудимые прибывали в следственный изолятор не ранее 21:00 или 22:00¹⁰⁷. В таких обстоятельствах подсудимые не имели возможности просмотреть свои записи и подготовиться к слушанию, назначенному на следующий день, не говоря о возможности посоветоваться со своими адвокатами. Если учитывать содержание подсудимых в «аквариуме» и, следовательно, их неспособность эффективно участвовать в суде и конфиденциально консультироваться со своими адвокатами, то отсутствие у них возможности готовиться к судебным заседаниям и встречаться со своими адвокатами вне зала суда вызывает ещё более серьёзную озабоченность.

Помимо этого, в тех случаях, когда адвокатам удавалось встретиться с обвиняемыми в следственном изоляторе, суд отвечал отказом на ходатайства о проведении этих встреч наедине (без присутствия конвоя), в обоснование чего на одном из слушаний было упомянуто не имевшее к делу отношения террористическое нападение на главное управление ФСБ в Москве¹⁰⁸.

Е. ПРАВО НА ВЫЗОВ И ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ

Право на вызов и допрос свидетелей является одним из основополагающих компонентов справедливого суда и недвусмысленно предусматривается в МПГПП и ЕКПЧ¹⁰⁹. Это право распространяется как на возможность защиты вызывать своих собственных свидетелей, так и на право эффективно осуществлять перекрёстный допрос свидетелей обвинения. Принцип процессуального равенства сторон, закрепленный в обоих международных договорах, требует, чтобы защита имела возможность противостоять инкриминирующим доказательствам и представлять собственные доказательства на тех же условиях, что и обвинение¹¹⁰.

Хотя право на вызов свидетелей защиты не является абсолютным, Комитет ООН по правам человека утверждает, что сторона защиты имеет право на вызов тех свидетелей, которые имеют отношение к делу¹¹¹, если это было сделано

¹⁰⁵ См. МПГПП, Статья 14(3)(b); ЕКПЧ, Статья 6(3)(b).

¹⁰⁶ См. Заметки наблюдателя от 14 января 2020 года; Заметки наблюдателя от 4 марта 2020 года; Заметки наблюдателя от 17 марта 2020 года; Заметки наблюдателя от 20 августа 2020 года.

¹⁰⁷ Это обстоятельство было упомянуто в ходе заключительного слова защиты с целью иллюстрации отказа обвиняемому в праве на эффективную защиту. Заметки наблюдателя от 7 сентября 2020 года. См. Заметки наблюдателя от 7 сентября 2020 года.

¹⁰⁸ См. Заметки наблюдателя от 19 февраля 2020 года.

¹⁰⁹ МПГПП, Статья 14(3)(e); ЕКПЧ, Статья 6(3)(d).

¹¹⁰ См. Европейский суд по правам человека, дело «Роу и Дэвис против Соединённого Королевства», Заявление № 28901/95 от 16 февраля 2000 года, пункт 60.

¹¹¹ Комитет по правам человека, дело «Саидов против Таджикистана», Док. ООН ССРР/С/122/Д/2680/2015 от 20 сентября 2018 года, пункт 9.6.

своевременно и в соответствии с процессуальными требованиями¹¹². Аналогичным образом, Европейский суд постановил, что защита имеет право вызывать свидетелей в случаях, когда такой запрос «не является спорным», когда запрос «достаточно обоснован [и] имеет отношение к существу обвинения» и когда показания свидетелей могут обоснованно усилить позицию защиты¹¹³. В отношении перекрёстного допроса Европейский суд пояснил, что «подсудимому должна предоставляться адекватная и надлежащая возможность вызывать и допрашивать свидетелей, показывающих против него»¹¹⁴.

Таким образом, наложение ограничений на допрос со стороны защиты может являться нарушением права на вызов и допрос свидетелей. Комитет ООН по правам человека пришёл к выводу о том, что чрезмерное вмешательство суда в перекрёстный допрос защитой ключевых свидетелей обвинения, наряду с отказом в вызове нескольких свидетелей защиты, представляют собой нарушение этого права¹¹⁵. В «деле Пичугина» Европейский суд постановил, что права подсудимого на справедливый суд были нарушены в том, что председательствующий судья неоднократно отклонял вопросы стороны защиты, нацеленные на выяснение достоверности и надёжности показаний одного из ключевых свидетелей обвинения, и дал свидетелю возможность отказаться отвечать на вопрос защиты, имеющий отношение к обстоятельствам дела¹¹⁶. Европейский суд пришёл к выводу о том, что, давая свидетелю необоснованное разрешение отказаться отвечать на относящиеся к делу вопросы и не предупредив его об установленной законом обязанности отвечать на вопросы, председательствующий судья подорвал право подсудимого на допрос свидетелей¹¹⁷. Помимо этого, Суд отметил, что отклонение председательствующим судьей всех вопросов защиты, имеющих отношение к достоверности показаний свидетеля, в том числе вопросов о наличии судимости данного свидетеля, о причинах отказа данного свидетеля от дачи показаний против заявителя вплоть до второго допроса по данному делу, а также о возможном давлении на данного свидетеля со стороны органов прокуратуры, не позволило присяжным заседателям определить, какое значение должно придаваться

---

¹¹² Комитет по правам человека, дело «Джонсон против Испании», Док. ООН ССРР/С/86/Д/1102/2002 от 27 марта 2006 года, пункт 6.5; Комитет по правам человека, Общий комментарий № 32, Док. ООН ССРР/С/ГС/32 от 23 августа 2007 года, пункт 39.

¹¹³ См. Европейский суд по правам человека, дело «Поляков против России», Заявление № 77018/01, пункты 34, 29 января 2009 года.

¹¹⁴ См. Европейский суд по правам человека, дело «Пичугин против России», Заявление № 38623/03 от 23 октября 2012 года, пункт 195.

¹¹⁵ См. Комитет по правам человека, дело «Ларранага против Филиппин», Док. ООН ССРР/С/87/Д/1421/2005 от 24 июля 2006 года, пункт 7.7.

¹¹⁶ См. Европейский суд по правам человека, дело «Пичугин против России», Заявление № 38623/03 от 23 октября 2012 года, пункты 53–56, 172, 210–212.

¹¹⁷ Там же, пункты 204–205 («Суд считает странной реакцией председательствующего судьи на такой немотивированный отказ свидетеля отвечать на вопросы. Будучи основным блюстителем справедливости судебного разбирательства, в соответствии с внутрисударственным законодательством судья была обязана принять все необходимые меры для обеспечения соблюдения принципов состязательности и равноправия сторон». Там же, пункт 204).

показаниям данного свидетеля¹¹⁸. Суд считает, что для стороны защиты было важно обсудить вышеуказанные вопросы в присутствии присяжных заседателей «в целях проверки [данного свидетеля] на надежность и объективность»¹¹⁹. В результате того, что судья разрешил свидетелю отказаться отвечать на ключевые вопросы и ограничил возможность выявления ненадежности данного свидетеля, Суд установил факт нарушения права подсудимого на справедливый суд, а также его права на вызов и допрос свидетелей¹²⁰.

В ходе рассмотрения данного дела Мустафаев и его соответчики столкнулись с обстоятельствами, аналогичными тем, которые возникли в «*деле Пичугина*» и которые в своей совокупности явились нарушением их права на вызов и допрос свидетелей.

Во-первых, председательствующий судья отклонил сотни вопросов защиты, имевших отношение к делу и адресованных ключевым свидетелям обвинения во время перекрёстного допроса.

Одним из таких свидетелей являлся офицер ФСБ Николай Артыкбаев, который участвовал в следствии по делу подсудимых и давал показания по нескольким важнейшим фактам – многие из которых были подобраны им из секретных источников – в том числе: о том, что «ХуТ» действовала в районе Бахчисарая; о том, что участие подсудимых в деятельности этой организации было установлено на основании показаний прихожан мечети; а также о том, что «поступила информация» относительно того, что подсудимые, являясь членами «ХуТ», проводили в мечетях занятия, проводили набор новых членов и работали с ними, а также распространяли запрещённую литературу¹²¹. Защита указывала на то, что большая часть информации в утверждениях Артыкбаева в отношении подсудимых, были основаны на слухах,¹²² что является недопустимым доказательством в соответствии с российским законодательством,¹²³ и что эти доказательства являются ещё менее достоверными, если учитывать, что эта непроверенная информация поступила из секретных источников. По этой причине для защиты было важно иметь возможность надлежащим образом оспаривать и оценивать информацию Артыкбаева, которой он, по его заявлениям, располагал. Кроме того, защита утверждала, что многие следственные действия по данному делу против подсудимых производились с нарушением правил и порядка производства следственных действий, предусмотренных российским законодательством, и что это могло сделать недопустимыми доказательства, полученные в результате этих

---

¹¹⁸ Там же, пункт 210.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же, пункты 212–213.

¹²¹ Заметки наблюдателя от 27 ноября 2019 года.

¹²² См. например, Заметки наблюдателя от 14 января 2020 года; Заметки наблюдателя от 8 сентября 2020 года.

¹²³ Статья 75(2)(2) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

действий¹²⁴. Поэтому для защиты было крайне важно иметь возможность задать Артыкбаеву вопросы о том, отвечали ли производившиеся им следственные действия соответствующим требованиям российского Уголовно-процессуального кодекса.

Тем не менее, во время перекрёстного допроса Артыкбаева председательствующий судья постоянно отклонял вопросы защиты, нацеленные на установление деталей предполагаемых правонарушений, источника имеющейся у свидетеля информации, а также его методов проведения расследования. Кроме того, судья Зубаиров блокировал те вопросы, целью которых являлось прояснение противоречий, имеющих в показаниях Артыкбаева. Например, судья исключил серии вопросов о том, каким образом регулярные собрания «ХуТ» могли проводиться в мечети тайно – как показал Артыкбаев – если учесть, что данная мечеть была открыта для публики весь день¹²⁵, а также каковы причины «конфликта» между руководителями мечети и подсудимыми, частичной причиной которого Артыкбаев назвал привычку подсудимых к курению, несмотря на то, что ни один из подсудимых не курил¹²⁶. Что же касается источника сведений, которые имелись у Артыкбаева, он заявил, что в ходе рассмотрения дела он узнал из тайных источников о том, что «ХуТ» как организация планировала осуществить государственный переворот в России в три этапа¹²⁷ и что подсудимые являются членами «ХуТ»¹²⁸. Однако, когда его просили более подробно рассказать об источниках этих сведений, он часто ссылался на «оперативные данные» (т.е. информацию, полученную в ходе оперативно-розыскных мероприятий) или

---

¹²⁴ Статья 50(2) Конституции Российской Федерации не допускает использование при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Статья 75(1) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации гласит, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК, являются недопустимыми.

¹²⁵ Заметки наблюдателя от 16 декабря 2019 года.

¹²⁶ Заметки наблюдателя от 24 декабря 2019 года; Заметки наблюдателя от 14 января 2020 года. В своих показаниях Артыкбаев утверждает следующее: «В нескольких случаях в мечети, расположенной в 6 микрорайоне Бахчисарая, возникали конфликты между [«ХуТ» и прихожанами мечети]. Районный имам делал предупреждение членам Хизб ут-Тахрир, запрещал проводить встречи в мечети. До момента задержания с 2015 года подобные конфликты были несколько раз. Также были конфликты между Хизб ут-Тахрир и старейшинами мусульман-прихожан мечети. Говорили, что мусульмане не могут курить возле мечети, а члены Хизб ут-Тахрир курили возле мечети». Заметки наблюдателя от 3 декабря 2019 года. В ходе перекрёстного допроса сторона защиты пыталась задавать Артыкбаеву вопросы о том, как это могло произойти, если никто из подсудимых не курит. Судья отклонил эти вопросы, сначала на основании того, что они не имеют отношения к делу, а затем по причине того, что они повторяются.

¹²⁷ В ходе прямого допроса со стороны обвинителя свидетель показал, что в результате его работы было установлено, что организация «Хизб ут-Тахрир» была основана в Сирии в 1953 году; её главными задачами были построение халифата – исламского государства, возглавляемого халифом, в руках которого сосредоточена политическая и духовная власть; а также что в число методов данной организации входят подбор новых членов на первом этапе, открытый подбор новых активистов на втором этапе, переворот и построение халифата, смена власти и политического режима на третьем этапе. Заметки наблюдателя от 27 ноября 2019 года.

¹²⁸ Заметки наблюдателя от 27 ноября 2019 года; Заметки наблюдателя от 3 декабря 2019 года.

«государственную тайну»¹²⁹. Когда в ходе перекрёстного допроса на ответах Артыкбаева настаивали, суд зачастую отклонял вопросы, нацеленные на прояснение ситуации. Например, Мустафаев подверг Артыкбаева перекрёстному допросу по поводу его осведомленности о тайных свидетелях, которые показали, что подсудимые являлись членами «ХуТ»:

Мустафаев (М): Каков срок нахождения свидетелей в рядах Хизб ут-Тахрир?

Суд: Вопрос снимается т. к. может раскрыть данные свидетелей.

Возражение Мустафаева.

М: Какой уровень познаний Хизб ут-Тахрир у свидетелей?

Артыкбаев (А): Затрудняюсь ответить.

М: Компетентность проверяли?

А: Проверяли.

М: Каким образом?

Суд: Вопрос снимается.

Возражение Мустафаева.

...

М: Имеются ли у вас мед. справки о вменяемости свидетелей?

А: Установлено что они дееспособны.

М: Как установлено?

Суд: Вопрос снят.

М: Были ли травмы головы у свидетелей, которых вы допрашивали?

Суд: Не переиначивайте вопрос.

А: Я их не допрашивал.

М: Чем тогда вы оперируете?

А: В рамках ОРМ были опрошены люди...

М: Это был «опрос» или «допрос»?

Суд: Вопрос снимается.

Гемеджи и Мустафаев заявляют возражение, т. к. при опросе не требуется предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний [что требуется делать при проведении официального «допроса»] в связи с чем вопрос имеет значение для защиты, свидетель опирается на показания как на достоверно установленные факты¹³⁰.

¹²⁹ Например, когда его спросили, откуда ему известно, кому из подсудимых принадлежит каждый из записанных на плёнку голосов, и – более конкретно – имеются ли у него образцы голосов подсудимых, он ответил «Я проводил негласные оперативно-розыскные мероприятия, говорить о которых я не могу». Заметки наблюдателя от 3 декабря 2019 года.

¹³⁰ Заметки наблюдателя от 16 декабря 2019 года.

Согласно заявлению стороны защиты, российское законодательство требует, чтобы свидетель, дающий официальные показания в ходе «допроса» - которые имеют более значимую доказательную ценность – был предупрежден о его ответственности за дачу ложных показаний и о необходимости давать правдивые показания¹³¹. Тем не менее, суд, отклоняя вопросы о том, подвергались ли свидетели в ходе расследования официальному допросу или опросу, проигнорировал неоднократные возражения стороны защиты, заявив, что оценит все доказательства¹³².

Отсутствие у стороны защиты возможности оспаривать предоставляемые Артыкбаевым сведения, а также используемые им методы, создают ещё более проблематичную ситуацию потому, что вызвала сомнение его компетентность в проведении данного расследования. Например, Артыкбаев показал, что разговоры подсудимых, тайно записанные в мечети, демонстрируют их членство в «ХуТ», поскольку это можно было установить, исходя из их «молитв и из тем, которые они обсуждали в мечетях». Придя к этому заключению, Артыкбаев заявил, что он слушал аудиозаписи, сделанные в мечети, делал официальные расшифровки (стенограммы) и проводил свой собственный анализ¹³³. Однако в ходе суда выяснилось, что у него нет специальной подготовки в вопросах ислама и что он не говорит ни на языке крымских татар, ни по-арабски¹³⁴, в то время как оба эти языка активно использовались в данных аудио файлах; по этой причине сторона защиты усомнилась в его способности делать заключения по поводу преступных намерений подсудимых, основываясь на содержании аудио файлов¹³⁵.

Так же, как и в «деле Пичугина», вопросы стороны защиты имели ключевое значение для того, чтобы пролить свет на источник информации свидетеля, а также на достоверность и надежность его показаний¹³⁶. Кроме того – что также аналогично «делу Пичугина» – показания свидетеля были ключевыми в версии обвинения, и, следовательно, играли ключевую роль в вынесении судом обвинительного приговора¹³⁷. Отклоняя вопросы защиты – помогая свидетелям эффективно уклоняться от ответов на вопросы, которые могли навредить версии обвинения – суд нарушал право подсудимых на вызов и допрос свидетелей, а также заставил существенно усомниться в своей беспристрастности. Напротив, стороне обвинения

---

¹³¹ Там же.

¹³² Например, Заметки наблюдателя от 20 января 2020 года.

¹³³ Заметки наблюдателя от 27 ноября 2019 года.

¹³⁴ Заметки наблюдателя от 4 декабря 2019 года.

¹³⁵ Например, Заметки наблюдателя от 4 декабря 2019 года; Заметки наблюдателя от 14 января 2020 года; Заметки наблюдателя от 19 февраля 2020 года.

¹³⁶ Хотя в данном случае доказательства не подвергались оценке со стороны присяжных заседателей, защита, тем не менее, имела право проверять достоверность показаний свидетеля, оценить которую должна была судебная коллегия.

¹³⁷ Дополнительные детали о том, какую роль показания Артыкбаева играли в вынесении обвинительного приговора, см. в разделе о презумпции невиновности выше.

было разрешено свободно задавать свидетелям защиты почти любые вопросы без вмешательства со стороны суда, что противоречило принципу процессуального равенства сторон¹³⁸.

Впоследствии суд жёстко ограничил перекрёстный допрос стороной защиты двух анонимных свидетелей, в частности в том, что касалось достоверности их сведений и их осведомленности о подробностях предполагаемых правонарушений, совершенных подсудимыми, и тем самым в ещё более серьёзной степени нарушил право подсудимых на предметное оспаривание представленных против них доказательств. Этот факт связан с другими, более масштабными проблемами справедливого судебного разбирательства, которые вызваны привлечением к судебному процессу анонимных свидетелей, о чём речь пойдёт ниже.

Продолжая нарушать права подсудимых, суд произвольно прекратил вызов свидетелей защиты, не дождавшись окончания выступления защиты и ответив отказом на ходатайства о вызове 16 разных лиц¹³⁹, после чего им было открыто заявлено о том, что «показаний ранее допрошенных свидетелей достаточно»¹⁴⁰. 52 свидетеля защиты, которые выступали до тех пор, давали показания по поводу характера и образа жизни подсудимых, желая продемонстрировать, что подсудимые не участвовали и не могли участвовать в деятельности, связанной с терроризмом; кроме того, многие свидетели давали показания о процедурах в мечети, в которой, по утверждению обвинения, подсудимые проводили тайные собрания «ХуТ» - чтобы продемонстрировать, что в указанном месте было бы невозможно проводить закрытые собрания¹⁴¹.

Хотя право защиты на вызов свидетелей не является абсолютным, подсудимые предоставили достаточно оснований для вызова по меньшей мере некоторых таких свидетелей: например, для подтверждения источника доходов одного из подсудимых (чтобы опровергнуть утверждение обвинения о том, что подсудимые получали финансирование от «ХуТ»)¹⁴². В любом случае, суду следовало принять во внимание ходатайства о допросе каждого отдельного свидетеля, чтобы убедиться в том, что его показания являются «достаточно обоснованными [и] имеющими отношение к существу обвинения», и что показания могут усилить позицию защиты¹⁴³. Ответив коллективным отказом на вызов всех будущих

---

¹³⁸ Заметки наблюдателя от 4 августа 2020 года; Заметки наблюдателя от 5 августа 2020 года.

¹³⁹ Заметки наблюдателя от 10 августа 2020 года (Суд отказал в удовлетворении ходатайства защиты о допросе шестерых свидетелей защиты, поскольку «суд посчитал их показания излишними и злоупотреблением правом»; в вызове ещё двух свидетелей было отказано в связи с тем, что их показания не имеют отношения к делу); Заметки наблюдателя от 11 августа 2020 года (отвод четырёх свидетелей защиты); Заметки наблюдателя от 17 августа 2020 года (отвод двух свидетелей защиты); Заметки наблюдателя от 18 августа 2020 года (отвод четырёх свидетелей защиты).

¹⁴⁰ Заметки наблюдателя от 18 августа 2020 года.

¹⁴¹ Например, Заметки наблюдателя от 6 августа 2020 года.

¹⁴² Заметки наблюдателя от 10 августа 2020 года.

¹⁴³ См. Европейский суд по правам человека, дело «Поляков против России», Заявление № 77018/01, 29 января 2009 года, пункт 34.

свидетелей сразу, не приняв во внимание относительную ценность каждого из них для позиции защиты, суд поставил под угрозу способность обвиняемых выстроить свою защиту.

Отказ суда допросить дополнительных свидетелей защиты явился ещё одним нарушением принципа равенства сторон, а в некоторых случаях, как представляется, был обусловлен тем фактом, что предложенные свидетели не располагали информацией, которая помогла бы обвинению. Например, в ответ на ходатайство защиты о заслушивании четверых свидетелей судья Зубаиров спросил, «известно ли этим свидетелям о незаконной деятельности подсудимых»; сторона защиты пояснила, что такой информацией они не располагают, поскольку подсудимые не совершали противоправных действий. После этого суд отказал в заслушивании их показаний, считая их «избыточными»¹⁴⁴.

Ф. НАРУШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С АНОНИМНЫМИ СВИДЕТЕЛЯМИ

Хотя анонимизация свидетелей обвинения не запрещена, судам следует пользоваться этим инструментом с осторожностью, дабы избегать нарушения права подсудимых на справедливый суд¹⁴⁵. Общий принцип права на вызов и допрос свидетелей гласит, что «ответчик должен знать своих обвинителей, чтобы он мог оспорить их честность и надежность, и что он должен иметь возможность проверить правдивость и достоверность их показаний в ходе устного допроса этих свидетелей в его присутствии»¹⁴⁶. Европейский суд по правам человека постановил, что осуждение по уголовному делу, которое целиком или в значительной степени зависит от показаний анонимных свидетелей, особенно если суд, вынесший обвинительный приговор не приводит объективных причин для такой анонимности и не предлагает надлежащих уравнивающих гарантий, с высокой долей вероятности нарушает право подсудимого на справедливый суд»¹⁴⁷.

---

¹⁴⁴ Заметки наблюдателя от 11 августа 2020 года.

¹⁴⁵ В центре внимания проводимой Европейским судом оценки уместности использования анонимных свидетелей находятся три фактора. «Во-первых, [С]уд должен изучить вопрос о том, **имеются ли достаточные основания для того, чтобы сохранять личности анонимных свидетелей в тайне...** Во-вторых, Суд должен решить вопрос о том, являются ли показания этих свидетелей **единственным или решающим основанием для осуждения**. В-третьих, он должен убедиться в том, что **существовали достаточные уравнивающие факторы, включая наличие серьёзных процессуальных гарантий**, которые обеспечивали бы возможность провести справедливую и надлежащую оценку достоверности этих показаний». Европейский суд по правам человека, дело «Васильев и другие против России», Заявление № 38891/08 от 22 сентября 2020 года, пункт 41 (добавлено выделение).

¹⁴⁶ См. Европейский суд по правам человека, дело «Пичугин и другие против России», Заявление № 38623/03 от 23 октября 2012 года, пункт 195.

¹⁴⁷ В случаях, когда установлены достаточные объективные причины, оправдывающие использование анонимности для свидетелей, рассматривающий дело суд обязан, тем не менее, «подвергнуть данное судебное разбирательство самому тщательному исследованию, с тем чтобы

В деле «*Васильев против России*» российский суд признал подсудимых виновными в террористической деятельности в связи с их предполагаемым членством в организации «Хизб ут-Тахрир»; большая часть инкриминирующих доказательств, касавшихся связи обвиняемых с этой запрещённой группой, была основана на показаниях двух анонимных свидетелей, которые и подсудимым, и их адвокатам было разрешено видеть и слышать лишь с искажениями¹⁴⁸. Суд отметил, что способность стороны защиты подвергать этих свидетелей перекрёстному допросу была поставлена под сомнение, поскольку защита не получила «практически никаких сведений о личности свидетелей или их жизненном опыте», так что она не имела возможности «выявить какие-либо причины, по которым свидетель мог лгать, и таким образом оспаривать достоверность и надёжность их показаний»¹⁴⁹. Кроме того, Суд отметил, что обвинительный приговор был в значительной степени основан на показаниях этих анонимных свидетелей, что «в приговоре не имелось указаний на то, что судья ясно осознавал необходимость подходить к показаниям анонимных свидетелей с осторожностью», что судья не взвешивал эти показания надлежащим образом, учитывая то, что они поступили из анонимных источников, и что судья не привёл «подробных разъяснений по поводу того, почему он счёл данные показания надёжными при том, что в его распоряжении имелись и другие показания»¹⁵⁰.

В свете этих обстоятельств Суд пришёл к выводу, что вынесение обвинительного приговора в адрес подсудимых, основанного в значительной мере на показаниях анонимных свидетелей, явилось нарушением их права на справедливый суд, а также их права на вызов и допрос свидетелей, упомянув об «отсутствии уважительных причин для обеспечения анонимности данных свидетелей», о «важном значении, придаваемом их показаниям» и о том, что рассматривавший дело суд не принял уравнивающих мер, таких как «серьёзные процессуальные гарантии»¹⁵¹.

Аналогично «делу *Васильева*», использование стороной обвинения анонимных свидетелей против Мустафаева и его соотечественников явилось нарушением их права на вызов и допрос свидетелей. Как и в том деле, оба анонимных свидетеля, которым были присвоены условные фамилии «Исмаилов» и «Бекиров», давали показания из другого помещения, при этом их лица и голоса были настолько сильно искажены, что сторона защиты неоднократно жаловалась на то, что ей трудно

убедиться в том, что существовали достаточные уравнивающие факторы, включая наличие серьёзных процессуальных гарантий, которые обеспечивали бы возможность провести справедливую и надлежащую оценку достоверности этих показаний». См. Европейский суд по правам человека, дело «Васильев и другие против России», Заявление № 38891/08 от 22 сентября 2020 года, пункт 41.

¹⁴⁸ Там же, пункт 42.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же, пункт 42.

¹⁵¹ Там же, пункт 43 (установлен факт нарушения Статей 6(1) и 6(3)(d)).

разобрать то, что говорят эти свидетели¹⁵². И снова, как в «*деле Васильева*», и как будет более подробно описано ниже, рассматривавший дело суд не привёл причин, по которым он обеспечивал данным свидетелям анонимность (и на самом деле препятствовал попыткам стороны защиты получить такие разъяснения), не попытался обеспечить уравнивающих гарантий, например, путём тщательного изучения достоверности показаний свидетелей в ходе перекрёстного допроса, а его обвинительный приговор был в значительной степени основан на их показаниях без учёта тех факторов, которые ставили под сомнение их достоверность. Такое поведение возмутительно, поскольку эти два анонимных свидетеля были единственными источниками информации обвинения, которые заявляли о том, что располагают непосредственными сведениями о членстве подсудимых в «ХуТ»; как указано выше, членство подсудимых в «ХуТ» было единственным основанием для обвинений в «подготовке к насильственному захвату власти или насильственному удержанию власти», а также в «создании» террористической организации или «участии» в её деятельности.

С самого начала сторона обвинения не привела никаких конкретных фактов, оправдывающих обеспечение анонимности этим двум свидетелям обвинения, а суд не попытался установить, имеются ли какие-либо объективные причины для обеспечения такой анонимности. Отклоняя ходатайство защиты об устранении анонимности Исмаилова, суд туманно заявил, что «[о]снованием для засекречивания свидетеля является то, что свидетель опасается психологического и физического воздействия»¹⁵³. Впоследствии, когда подсудимые не могли понять показания Бекирова в связи с крайне сильным искажением его голоса и проблемами со связью, судья Зубаиров отклонил ещё одно ходатайство об аннулировании мер защиты данного свидетеля, упомянув лишь о «заявлении свидетеля о том, что ему может угрожать опасность», и не предложив никаких других объяснений¹⁵⁴. После этого судья Зубаиров принялся отводить все вопросы защиты в ходе перекрёстного допроса, нацеленные на выяснение объективных причин для опасений Бекирова¹⁵⁵.

Усугубляя эту проблематичную ситуацию, личная осведомленность свидетелей о фактах, о которых они заявляли, казалась сомнительной и суд препятствовал попыткам защиты подвергнуть изучению представленную ими информацию. Например, когда Исмаилова просили подробнее рассказать о его участии в тайных собраниях «ХуТ», например, назвать тип литературы, которую подсудимые советовали ему читать, или темы, которые обсуждались на этих собраниях, Исмаилов часто делал продолжительные паузы, прежде чем дать туманный ответ

---

¹⁵² Заметки наблюдателя от 25 февраля 2020 года; Заметки наблюдателя от 9 июня 2020 года.

¹⁵³ Заметки наблюдателя от 25 февраля 2020 года.

¹⁵⁴ Заметки наблюдателя от 9 июня 2020 года.

¹⁵⁵ Заметки наблюдателя от 10 июня 2020 года; Заметки наблюдателя от 11 июня 2020 года.

или заявить: «Я не помню. Всё находится в материалах дела»¹⁵⁶. Бекиров при даче своих показаний делал столь же продолжительные паузы, прежде чем отвечать на вопросы защиты, в том числе о фамилиях подсудимых¹⁵⁷; по словам защиты, эти паузы могли указывать на то, что свидетели читают по бумажке или получают инструкции о том, как следует отвечать, от лиц, которые находились вместе с ними в другом помещении¹⁵⁸. Суд же, вместо того чтобы постараться прояснить эти обстоятельства, активно препятствовал попыткам стороны защиты сделать это самим, отклоняя в ходе перекрёстного допроса те вопросы, которые были направлены на выявление противоречий¹⁵⁹. В один момент судья даже помог Бекирову, когда тот затруднился с ответом на вопрос адвоката о подробностях действий одного из обвиняемых; после долгого молчания судья Зубаиров спросил: «Связано ли ваше нежелание [отвечать] с вашими [опасениями]?» После того как защита выразила своё возражение, судья неожиданно объявил перерыв. После перерыва свидетель заявил: «Я боюсь... за свою жизнь»; возражение защиты было отклонено¹⁶⁰.

Помимо этого, сторона защиты выразила серьёзную объективную озабоченность по поводу мотивов, которые имелись у свидетелей для того, чтобы исказить факты. Учитывая то, что личности обоих свидетелей были фактически известны подсудимым (личности свидетелей могли быть установлены на основании их показаний), защита смогла привести причины, в силу которых у данных свидетелей

---

¹⁵⁶ Заметки наблюдателя от 25 февраля 2020 года. (Например: П: приводил ли Асанов какие-либо преимущества халифата? С: я не помню, всё приводилось в материалах дела П: каким образом и кто убеждал в необходимости создания халифата на территории Крыма после присоединения к России в ходе этих занятий? С: затрудняюсь сказать, я не помню, всё в материалах дела»).

¹⁵⁷ Например, Бекиров показал, что Асанов пригласил его на собрание в мечети. Когда его спросили, кто ещё присутствовал на этом собрании, Бекиров сделал паузу и затем медленно перечислил полное имя каждого подсудимого, причём делал паузы и между каждым именем. Защита указала на то, что данный свидетель, как представляется, читает имена по бумажке. Заметки наблюдателя от 9 июня 2020 года.

¹⁵⁸ Заметки наблюдателя от 11 июня 2020 года.

¹⁵⁹ Заметки наблюдателя от 2 марта 2020 года; Заметки наблюдателя от 3 марта 2020 года (Во время перекрёстного допроса на слушании 2 марта Исмаилов не смог ответить на вопрос о том, как эти собрания («сухбеты») могли быть закрытыми, если мечеть была открыта для всех желающих; кроме того, он заявил, что не помнит, как якобы члены «ХуТ» контролировали участников собрания и обеспечивали безопасность. На следующем слушании 3 марта суд отклонил все вопросы подсудимого Зекирьяева, связанные с тем, какие соблюдались «меры конспирации», была ли мечеть закрыта во время проведения «сухбета», допускались ли в мечеть другие люди во время проведения «сухбета» и показывал ли учитель во время проведения «сухбета» книги, названные свидетелем).

¹⁶⁰ Заметки наблюдателя от 11 июня 2020 года. Перед перерывом адвокат спросил Бекирова, кому подсудимый Асанов заявил о том, что им необходимо набирать людей для «захвата власти», после чего Бекиров некоторое время молчал, а затем сказал, что не может ответить. После перерыва тот же адвокат задал вопрос: «Были ли вы свидетелем того, как Асанов вёл воинствующую исламскую пропаганду?» После долгой паузы Бекиров издал невнятный звук, после чего заявил: «...если мне не изменяет память, он сказал, что кяфиры должны будут принять ислам». Адвокат спросил, где происходил этот разговор, и кто при нём присутствовал. Бекиров ответил, что там было много людей, но он не может назвать никого из них, потому что боится за свою жизнь. Адвокат обратился к суду со словами: «Ваша честь, я считаю это обосновательным». На что судья Зубаиров ответил: «Суд принимает ответ [данного свидетеля]».

могли иметься мотивы говорить неправду. Например, сторона защиты заявила, что Исмаилов является лицом, скрывающимся от правосудия в другой стране, имеет просроченный паспорт и не имеет вида на жительство, что обеспечивает ему ясный и очевидный мотив для того, чтобы сотрудничать с ФСБ в вопросе обвинения подсудимых¹⁶¹. Тем не менее, когда представитель защиты выразил сомнения в достоверности показаний данного свидетеля, председательствующий судья прервал его, заявив: «Суд считает ваши заявления злоупотреблением правом»¹⁶². Бекиров, с другой стороны, открыто показал в суде, что он является активным членом «ХуТ» и что он помогал финансировать эту организацию¹⁶³; таким образом, он сам подвергался риску преследования и, соответственно, его могли заставить давать показания против обвиняемых¹⁶⁴. Суд отклонил вопросы стороны защиты, нацеленные на выяснение того, мог ли он быть принужден к сотрудничеству со стороны ФСБ¹⁶⁵.

Суд не только пресекал попытки защиты подвергнуть сомнению достоверность показаний анонимных свидетелей, но ещё и проигнорировал этот объективно обоснованный повод для беспокойства в своём обвинительном приговоре в адрес семерых подсудимых, когда счёл показания свидетелей достоверными и полностью заслуживающими доверия, и основал свои заключения о виновности подсудимых в решающей степени на показаниях анонимных свидетелей. Суд оставил без внимания обеспокоенность стороны защиты по поводу анонимных свидетелей одним единственным предложением, которое касалось всех свидетелей обвинения: «Каких-либо причин для оговора подсудимых указанными выше свидетелями [имеются в виду все свидетели обвинения] в материалах дела не содержится, а утверждения стороны защиты о наличии таковых надуманны и в ходе судебного разбирательства не подтверждены»¹⁶⁶. Точно так же, как в «деле Васильева», отсутствие аргументации в приговоре продемонстрировало то, что суд не «осознавал необходимости подходить к показаниям анонимных свидетелей с осторожностью»¹⁶⁷.

---

¹⁶¹ На этом основании защита подала суду ходатайство о том, чтобы признать показания Исмаилова недопустимыми, на что суд ответил отказом. Во время своего заключительного слова защита вновь выразила обеспокоенность по этим поводам. Заметки наблюдателя от 17 марта 2020 года; Заметки наблюдателя от 8 сентября 2020 года.

¹⁶² Заметки наблюдателя от 27 января 2020 года.

¹⁶³ Заметки наблюдателя от 10 июня 2020 года.

¹⁶⁴ Защита подняла этот вопрос перед председательствующим судьёй во время дачи показаний Бекировым (Заметки наблюдателя от 10 июня 2020 года) и вновь подняла его, указав на проблему недостаточной достоверности, во время прений. Заметки наблюдателя от 9 сентября 2020 года.

¹⁶⁵ Например, Заметки наблюдателя от 10 июня 2020 года. (Адвокат Мустафаева Гемеджи спросила: «были ли обстоятельства, которые позволили бы оказывать на вас давление сотрудниками ФСБ, например смерть жены, нелегальное положение...»). Суд прервал её, заявив лишь: «вопрос снимается»).

¹⁶⁶ Южный окружной военный суд, решение суда первой инстанции от 16 сентября 2020 года, стр. 20.

¹⁶⁷ См. Европейский суд по правам человека, дело «Васильев и другие против России», Заявление № 38891/08, 22 сентября 2020 года, пункт 42.

Как и в «деле Васильева», в обвинительном приговоре в адрес Мустафаева и шестерых его соответчиков ни разу не упоминается уменьшенная значимость показаний анонимных свидетелей; вместе с тем, сочтя показания анонимных и других свидетелей обвинения «последовательными, непротиворечивыми, взаимно дополняющими друг друга и согласующимися с иными доказательствами, исследованными в судебном заседании»¹⁶⁸, не указывается никаких конкретных причин для такого вывода – что вызывает особое беспокойство в свете того, что в показаниях двух анонимных свидетелей имелись существенные противоречия и отсутствовали конкретные детали. Помимо нарушения права подсудимых на вызов и допрос свидетелей, этот факт стал и грубым нарушением их права на презумпцию невиновности, о которой речь шла выше.

---

¹⁶⁸ Южный окружной военный суд, решение суда первой инстанции от 16 сентября 2020 года, стр. 18.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебное разбирательство по уголовному делу в отношении Мустафаева, Асанова, Аметова, Беялова, Зекирьяева, Ибрагимова, Салиева и Смаилова было сопряжено с серьёзным нарушением их права на справедливое судебное разбирательство, их права на свободу от произвольного задержания и содержания под стражей, а также общих требований международного гуманитарного права. Во исполнение своих обязательств в рамках МПГПП, ЕКПЧ и Четвёртой Женевской конвенции, Российской Федерации следует незамедлительно освободить семерых осужденных. Кроме того, Российская Федерация должна прекратить преследование граждан Украины на оккупированных территориях в рамках российского законодательства, а также прекратить незаконный вывоз задержанных на российскую территорию.